

Марк Поповский

И Ю Н Ь С К И Е Н О В О С Т

/Записки неаккредитованного/

Москва

Июль-август 1977 года

В с е м ,
кто пожелает опубликовать эту рукопись
за рубежом,
а также всем желающим перевести ее на
иностранные языки
гентство "Марк Поповский-Пресс" в Москве
/121552, ул. акад. Павлова, 36, кв. 139
телефон 140.24.28/
выражает глубокую благодарность.

ПОД ЧАСАМИ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА

- Новости - это то, что случилось сегодня утром, - сказал Дэвид Виллис. Мы стоим с ним перед входом в кукольный театр Образцова под знаменитыми часами. Часы по специальному заказу изготовлены в Восточной Германии. Каждый час несколько десятков фигур на огромном циферблате разыгрывают сказочную мистерию. Под часами всегда толпа любопытных. Иностранцы корреспонденты, живущие в доме по другую сторону Садовой-Самотечной, избрали это место для встречи с теми, кто желает их повидать "в неофициальной обстановке". Мы с Дэвидом встречаемся здесь второй раз.

- Новости - это то, что случилось сегодня утром или в крайнем случае прошлой ночью, повторяет Дэвид по-английски. После года службы в Москве по-русски говорит он все еще плохо. Мой английский тоже ни к чёрту, но в общем мы как-то понимаем друг друга. Во всяком случае мне очень хочется понять этого симпатичного белозубого парня, одновременно деликатного и кремнево-твёрдого, когда дело идет о его профессии.

Часовая стрелка приближается к одиннадцати. Несколько мальчишек стоят на тротуаре, задрав головы. Порывы ветра раздувают их волосы. Июнь в этом году солнечный, но прохладный. Взрослых под часами только двое. Рыжеватый дядька в костюме неопределенного цвета мне не нравится. Делает вид, что поглощен часами, а сам искоса поглядывает на нас.

- Да, - отвечаю я Дэвиду, - насчет новостей вы совершенно правы. Но беда в том, что у нас в России...

Часы показали ровно одиннадцать. Наверху все ожило, задвигалось, зашумело. В верхнем левом углу циферблата открылась створка и высунулась голова козы в ошейнике с бубенчиками. Бубенчики зазвенели. Следом на верхушке часов завертелся и оглушительно закукарекал позолоченный петух. Коза раскланялась. Ударили колокола большие и малые. Неопределенного вида дядька, делая вид, что увлечен фигурами наверху, передвинулся поближе и выставил в нашу сторону большое желтое ухо. Топтун, конечно. Часы отзвонили свое и успокоились. Мальчишки разбрелись. Дядька продолжает стоять. Ясное дело, топтун. Сначала они подслушивают телефонные разговоры корреспондентов, а потом подсылают топтунов, чтобы разузнать, кто и по каким делам ходит сюда. Фотографируют незаметно, готовят впрок оперативный материал для будущих судебных процессов. С тех пор, как я объявил об открытии своего Агентства печати, слежка меня не беспокоит. Я сказал о себе больше, чем они могли бы подслушать и подсмотреть. Но, конечно, делиться с ними соображениями о свободной журналистике мне вовсе ни к чему. Я беру Дэвида за локоть, отвожу подальше от топтуна, поближе к подземному переходу через улицу. Береженого Бог бережет...

- Да, так вот о новостях. Вы правы, Дэвид, совершенно правы. В Америке и в Европе, везде, где есть свободная конвекция идей и информации, *вчерашие новости* никому не нужны. На Западе люди желают слышать только о новостях сегодняшних. Но в России - по-другому. Почти все сколько-нибудь интересные факты - политические, экономические, общественные - в секрете, утаены от общества. Поэтому новостью у нас является все, что только удалось вырвать из-под спуда секретности. Новость - письмо заключенного, тайно вывезенное месяц назад из лагеря,

подробности тайной дипломатии времен Второй мировой войны, прошлогодний список запрещенных фильмов. Новость - все, что обнажает тщательно скрываемый подлинный образ нашей жизни, независимо от времени, когда что случилось. - Вы меня поняли, мистер Виллис?

- Нет, это не новости, - сокрушенно качает светлой кудрявой головой Дзвид. - Такие факты нужны только историкам и писателям. Про это можно писать в книгах, но в газетах такие материалы не печатают.

Дзвид сочувственно смотрит на меня. Ему кажется, что своим замечанием он обидел гостя и он спешит подсластить пилюлю:

- Я глупый, неумелый, бесталаный, поэтому я репортер: вы - умный, опытный, талантливый, поэтому вы - писатель...

Издевается? Нет. Просто хочет, чтобы пожилой русский писатель оставил неудачную затею с пресс-бюро и вернулся к своим книгам. Тогда и он, Дзвид Виллис, корреспондент "Крисчен сайенс монитор" в Москве будет освобожден от необходимости оставлять по утрам свой офис и с риском для карьеры выходить на свидания под театральные часы. Ну что ж, его можно понять: рискует он, конечно, не слишком многим, но кое-чем все-таки рискует. За сравнительно короткий срок власти под разными предлогами изгнали из Москвы несколько самых талантливых и ярких корреспондентов. Дзвиду Виллису, что бы он ни думал о своих талантах, вовсе не хочется оказаться в числе выдворенных.

Рыжеватый дядька приблизился еще на несколько шагов. Делает вид, что любуется улицей, а желтое ухо, зтакий раструб с блюдце величиной, так и ходит, так и ловит каждое наше слово. Теперь уже и Дзвид за-

метил топтуна. Мне даже разъяснить ему ничего не пришлось. Я только показал глазами на лестницу, ведущую в подземный уличный переход, и он с явным облегчением двинулся вниз по ступеням. Дядька поглядел нам вслед, но остался стоять под часами, очевидно, ему приказано высматривать других гостей. Ну и чёрт с ним.

Пока идем по переходу, достаю из кармана и торопливо сую корреспонденту конверт с двумя новыми статейками, которые вчера с вечера сам перепечатал в нескольких экземплярах. Дэвид, снисходительно улыбаясь кладет бумаги в боковой карман пиджака. Он отлично знает: ничего дельного ждать от меня не приходится. Это не мешает ему приветственно помахать на прощанье рукой и обдать меня одной из самых приветливых своих улыбок. Среди корреспондентов, аккредитованных в Москве, у Дэвида слава честного и знающего свое дело человека. У него трое детей и, как говорят, милая жена. Он удаляется по подземному переходу, заложив руки в карманы, немного враскачку, как человек, честно исполнивший долг. Мне тоже надо торопиться, чтобы еще до обеда доставить остальные экземпляры на Кутузовский проспект. Там возле магазина "Русский сувенир" второй дом аккредитованных корреспондентов.

"Марк Поповский-Пресс" 2 июня 1977 г.

КТО СУМАСШЕДШИЙ?

.....
Комната номер 10 в Приемной Президиума Верховного совета СССР лишь одна из 12-15 комнат такого рода, где дежурные психиатры поджидают свои жертвы. Как мне сообщили,

кабинеты психиатров есть при многих высших учреждениях страны, в том числе при ЦК КПС Совете министров, при министерствах здравоохранения, социального обеспечения, вооруженных сил, при генеральной прокуратуре и других местах, куда люди обращаются с жалобами и просьбами. Как только партийному, военному или советскому чиновнику покажется, что проситель ведет себя слишком настойчиво, он направляет его в расположенный поблизости кабинет психиатра.

Дальнейший путь этих несчастных общеизвестен: из кабинета-капкана жертва попадает в психиатрическую больницу №7 /Москва, Институтский проезд, 5/. Здесь на жалобщика заводится история болезни, и акт этот автоматически превращает здорового в больного. Некоторое время "больных" выдерживают в психиатрических больницах Москвы, а затем под конвоем фельдшеров направляют в психиатрическую больницу по месту жительства. Центральный эвакуационный пункт, ведающий транспортировкой "больных", насчитывает более семидесяти фельдшеров, которые совершают в год от 10-ти до 15-ти и более поезд в разные города и районы страны. Простой подсчет показывает, что деятельность находящихся под контролем КГБ психиатров больницы №7 порождает ежегодно более *тысячи* квази-безумцев.

"Марк Поповский-Пресс" 3 июня 1977 г

В РОССИИ БЕЗ ПЕРЕМЕН

...Утром 3 июня капитан КГБ Сергей Богачев и следователь Кунцевского района Елена Машошина вошли в квартиру писателя Марка Поповского и предъявили ордер на обыск. Они заявили, что будут искать юношеские дневни

ки академика Николая Вавилова, которые Поповский якобы взял 10 лет назад у частного лица и не возвратил.

Академику Николаю Вавилову в нынешнем году исполнилось бы 90 лет, если бы этот выдающийся генетик, агроном и путешественник не погиб от голода в Саратовской тюрьме в разгар Второй мировой войны /26 января 1943 года/. При аресте Вавилова летом 1940 года органы государственной безопасности вывезли из его квартиры и служебного кабинета несколько грузовиков рукописей, документов и книг. Были изъяты в том числе пять больших неопубликованных трудов, представляющих, по мнению специалистов, невосполнимую ценность. После смерти Сталина Академия наук СССР запросила тогдашнего руководителя КГБ о судьбе научного наследия Вавилова. В письме под номером 2008 Семичастный ответил, что рукописи уничтожены в июне 1941 года "как не вошедшие в материалы следственного дела".

Автор многих книг об ученых, Марк Поповский, начиная с 1964 года предпринял розыски материалов о жизни и смерти Николая Вавилова. Писатель опубликовал более двадцати очерков, статей и корреспонденций о своем герое, выпустил две книги /"Тысяча дней академика Николая Вавилова" - 1966 г. и "Надо спешить!" - 1968 и 1972 гг./. Третья по счету книга о судьбе несчастного биолога осталась неопубликованной и была изъята после четырехчасового обыска 3 июня 1977 года вместе с пятнадцатью килограммами других рукописей... Через 37 лет после обыска у академика Вавилова полицейская машина вывезла рукописи, принадлежащие его историку...

ОБЫСК

Я много раз читал об этом: о страхе, который охватывает человека, когда в его дом входит полиция. Читал, слышал и все-таки, когда они протянули ордер, ощутил тот самый отвратительный холод в груди, ту внезапную слабость в ногах, которые столько раз описывали бывалые люди. В следующую минуту, однако, я разозлился на себя. Показать им свой испуг? Ни за что! Этот капитан, выдающий себя за работника угрозыска, явный кагебешник. Не уступать ему ни в чем! Лиля /жена. - Р е д . / быстро поняла меня. Как только те начали обыск, мы взялись за наш английский. Я читал вслух статью из Эккерсли, она, сидя на противоположной стороне комнаты, переводила. После первых же фраз нервное напряжение ослабло. Мы заговорили о деталях перевода, о грамматических формах. Потом решили послушать пластинки, но проигрыватель закапризничал. К этому времени от страха не осталось и следа.

Эти двое продолжали молча копаться в бумагах. На провинциального вида дамочку из прокуратуры мы как-то внимания не обратили, но кагебешник, красивый мужчина лет тридцати, одетый во все заграничное, нам запомнился. Желтоватый замшевый пиджак шел к его изящной фигуре. Капитан Богачев весь выдержан в песчаных тонах: желтые волосы, бежевые брюки, почти белые ресницы. Представился он нам как специалист по литературным и книжным делам, но похоже, что книги знает только по названиям, а авторов по фамилиям. Ему, очевидно, нужно было втянуть меня в разговор и он цеплялся ко всему. "У вас икона? Неужели вы верите в Бога? Но ведь вы в прошлом врач..." Пришлось попросить его не трогать того, что не обозначено в ордере на обыск. Тогда он стал распинаться, как любит и ценит мои книги, как

зачитывался ими в юности. "Я очень огорчен, что пришлось познакомиться с вами в столь неблагоприятной обстановке". Затем пустился в рассуждения о том, что писатель — лицо, принадлежащее истории. Я выразил надежду, что история и его вниманием не обойдет: те, кто обыскивают письменные столы писателей, неизменно входят в историю, хотя и с черного хода. Капитан Богачев сделал обиженное лицо. Впрочем, игра в интеллигентность ему скоро прискучила. Он даже заявил, что призовет понятых и составит протокол о том, что мы с Лилей наносим оскорбления лицам, находящимся при исполнении служебных обязанностей. "Такой протокол, — пояснил он, — позволит возбудить против вас второе уголовное дело".

Нет, с интеллигентностью у капитана получалось слабовато. Но какая-то артистичность в этом кагебешнике все-таки присутствовала. В легкой походке, в том, как плавно пробегали его пальцы по корешкам книг, как выдергивали то один, то другой "подозрительный" том, виделось даже что-то балетное. Столь же артистично извлекал он листы из моих рукописных папок и не без изящества увязывал взятые при обыске книги. "Дневников Вавилова" капитан Богачев не нашел, но увез с собой машинописные копии стихов Цветаевой и Волошина, проповеди архиепископа Луки, несколько книг духовного содержания и рукописи двух моих неопубликованных книг. "Ознакомимся — вернем".

Кажется единственно ценным уловом были для него те три корреспонденции, которые я приготовил для передачи иностранным репортерам. Обнаружив и прочитав листки, капитан впервые за четыре часа облегченно вздохнул. Это было именно то, ради чего он явился в наш дом...

ЗАЯВЛЕНИЕ

.....
В Москве начинает функционировать Агентство печати "Марк ПОПОВСКИЙ-ПРЕСС"... Адрес Агентства: 121552, Москва, ул. академика Павлова, 36, кв. 139. Телефон 140.24.28...

Что побудило меня, автора семнадцати опубликованных в СССР книг, обратиться к профессии репортера, которую я оставил четверть века назад? В феврале 1976 года, по требованию КГБ, были запрещены три мои находившиеся в московских издательствах книги. Запрет печатать меня получили также редакции газет и журналов. После тридцати лет литературной работы я оказался отрезанным от своей профессии, от возможности пером зарабатывать хлеб для своей семьи. Таким образом, КГБ отомстил независимо мыслящему писателю за ряд публичных выступлений, за то, что я читал и давал читать другим книги А.Солженицына и иным образом выявил свою неуправляемость.

В Союзе писателей, членом которого я состоял 16 лет, мне ясно дали понять, что дальнейшая творческая жизнь на родине для меня невозможна. 28 марта 1977 года я телеграммой известил Правление Союза писателей СССР, что отказываюсь оставаться членом этой организации.

Тогда же я сделал попытку выехать в Израиль, но ОВИР не принял у меня документы...

7 июня 1977 года

Марк Поповский

ОВИР: ПЕРВЫЙ ЭТАЖ

Это еще маркиз де-Кюстин заметил: в России законы бездействуют. Лишенный справедливости подданный, ежели на что и может надеяться, то только на *милость* власть имущих. Отсюда — единственная наша надежда — письма на высочайшее имя, а также мифы о добрых начальниках и милостивых вельможах. За сто сорок без малого лет, прошедших после приезда в нашу землю умницы-француза, по части законности и права перемен никаких не случилось⁺. Так что путь один — идти за милостью...

С этими не слишком веселыми мыслями отправились мы с женой утром 6 июня в городской ОВИР. По понедельникам с десяти до часа заместитель начальника этого учреждения подполковник Золотухин принимает посетителей. Среди московских "отъезжантов" слава у него скверная, но, не пройдя его кабинет, нельзя войти в кабинеты особ более высоких. Субординация.

Приемная ОВИРа в духе времени отделана полированной фанерой и украшена подсвеченными изнутри цветными фотографиями на стекле. На фотографиях Кремль, Большой театр, театры в Одессе, среднерусские пейзажи с березками. По идее картинки эти должны пробуждать у посетителей ОВИРа ностальгические чувства. Но световые экраны служат также другой, более прозаической цели. С двух сторон зала на посетителей наставлены немигающие стекляшки телевизионных камер: хозяева, скрытые в недрах здания, имеют обыкновение подсматривать за своими гостями. Так вот, световые картины на стенах приемной играют

⁺ См. прим. от редакции к главе "Юродивые на Руси", с. 87-88.

роль софитов, они помогают лучше высвечивать лица подозрительных кандидатов в эмигранты.

Атмосфера в приемной напоминает больничную: просители разговаривают полусшепотом, ходят преимущественно на цыпочках. Когда же радиоголос из глубин святилища называет очередную фамилию, вызванный кидается к заветной двери с выражением страха и готовности. Впрочем, над публикой здешней шутить грешно. Тут, на первом этаже ОВИРа, ожидают решения, главным образом, отказники или, как они сами себя называют, пользуясь английским глаголом, "рефьюзники". Народ этот, месяцами и годами пребывающий в подвешенном состоянии, устал и до крайности издерган. Чем они кормятся, эти "рефьюзники" - один Бог знает. И разговоры их между собой самые что ни на есть горестные: мать разлучена с сыном, жена с мужем, невеста с женихом. Люди снова и снова приходят сюда за милостью и слышат: отказ, отказ, отказ...

Мы не сразу обнаруживаем подполковника Золотухина в его кабинете. "Здравствуйте" он не говорит, с места не поднимается, фигура его в темном костюме в первый момент сливается для нас со стенами из полированной фанеры. Но приглядевшись мы видим его, мужчину лет сорока пяти, как будто силком вдавленного в кресло и одновременно прижатого к столешнице слишком большого для него стола. Напряженной позой своей напомнил он мне какого-то сердитого зверька, но какого именно, я не тотчас вспомнил. Визитная карточка на специальной подставке уведомила нас о том, что подполковника зовут Владимир Деметьевич. Но облик того, кто носит это имя, оставался для нас тайной. Золотухин прочно уткнул лицо в бумаги так, что видно было только его темя с аккуратно уложенными темными редеющими волосами.

Обращаясь к этому темени, мы стали разъяснять наше дело. Отец моей жены Лили, 78-летний военный врач, не желает давать дочери разрешения на выезд в Израиль. Он боится, что его лишат пенсии, а может быть и арестуют. Без разрешительной справки от него у нас в ОВИРе не берут документы. Получается замкнутый круг. Пока мы сидели в приемной — узнали: у большинства тех, кто записан к Золотухину, та же беда. Подполковник, однако, нашим доводам не внимлет. Мертвым отчужденным голосом он начинает цитировать приказы и распоряжения УВД Мосгорисполкома: "ОВИР не входит в рассмотрение личных обстоятельств граждан... ОВИР не занимается сбором справок и документов. Сбор справок и документов возлагается на самих граждан, желающих выехать..." Мы пытаемся вернуть его к реальной ситуации: упрямый, трусливый старик, невозможность для нас оставаться в СССР и т.д. Он не слушает: "ОВИР не имеет отношения... ОВИР не обязан..."

Лишь однажды нечто естественное промелькнуло в его речи. Перечисляя причины, по которым граждане еврейской национальности желают выехать в Израиль, Золотухин с издевкой перечислил: "Может быть вам не хватает кошерной пицци или вы желаете умереть у Стены плача..." Но и эта отработанная на многих поколениях посетителей шутка его не развешила. Наш разговор приобрел циклический характер: виток, еще виток: "ОВИР вовсе не обязан..." Подполковник Золотухин нас не слушал, даже голову не поднимал. Он ждал, когда мы покинем кабинет, чтобы вызвать следующих.

Я понял эту методику: чтобы не мучаясь укорами совести, безболезненно для себя, отказывать всем подряд, надо не вступать с людьми ни в какие личные отношения. Даже подо-

бие отношений - улыбка, рукопожатие - разрушает систему. Машинообразное цитирование официальных постановлений в ответ на мольбы и просьбы - это то, что нужно. Больше пяти-семи минут никто такой пытки не выдерживает. Интересно, сам Золотухин придумал этот механизм или его предшественники? Штучка безотказная, но без душевных сил и тут все равно не обойтись. Ведь человек же он, этот Владимир Дементьевич. Что-нибудь же он чувствует. Мне стало жаль его.

- Владимир Дементьевич, - мягко сказал я, - пожалуйста, поднимите глаза, взгляните на нас. Надо же нам познакомиться с вами.

Он запнулся и вскинул свое маловыразительное лицо постового милиционера. На миг в нем мелькнуло даже что-то вроде растерянности, но только на миг. В следующее мгновение маска злого упорства снова прочно укрепилась на милицейской физиономии. И я узнал вспомнил, где видел эту напряженную позу, эти ничего не видящие непримиримые глаза. Я видел их в кино. Показывали фильм про барсука, в нору которого лезет лиса. Оператору удалось заснять момент, когда, стоя на пороге своего жилища, барсук приготовился к жестокой борьбе. Диктор, сопровождавший фильм, сказал, что пережив такое волнение зверьки нередко затем гибнут от инфаркта сердечной мышцы. Бедные барсуки! Бедный Владимир Дементьевич! Каждый понедельник три часа тупого барсучьего противостояния. Этак ведь и впрямь до разрыва сердца недалеко...

34198

SZ 132

СПРАВКА РАДИ НЕНАВИСТИ

На днях я побывал в квартире малоизвестной мне пожилой четы Слиознер. Меня приняли в комнате, где на стене висел портрет молодой женщины, обвитый черным крепом. "В вашем доме случилось несчастье?" - осторожно спросил я хозяйку". - "Да, - ответила она резко, - для нас она умерла". Оказывается, дочь моих новых знакомых решила выехать из страны вместе со своим мужем и ребенком. Дочь попросила соответствующую справку у родителей и наткнулась на стену ненависти. Отец - доктор экономических наук из НИИ и мать - секретарь партийной организации средней школы не только отказались выдать справку, состоящую из одной фразы /"Материальных претензий к нашей дочери, выезжающей в Израиль, не имеем"/, но и направили жалобу на нее в высшие государственные инстанции.

... Итак, портрет молодой женщины висит в доме ее родителей обвитый траурными лентами. А сама она? Вот уже четыре года молодая семья не может выехать из страны. Супругов лишили профессиональной работы, живется им крайне скудно. Справка от родителей - мощный регулятор эмиграционного потока из СССР в Израиль. В то время как власти задерживают тысячи людей, десятки тысяч не могут подать документы в ОВИР из-за отсутствия злополучной справки. Шестидесять лет всеобщего страха породили в советском народе множество "внештатных" сотрудников КГБ. Семидесятисемилетний полковник в отставке Натан Гринберг не дает разрешения на выезд своей почти пятидесятилетней дочери. Офицер КГБ Виктор Ключев отказывает в справке своей 25-летней дочери. Он откровенно признается, что боится потерять выгодную работу в сис-

теме государственной безопасности. Надо ли говорить, что в обоих случаях между старшими и младшими возникло чувство отчуждения, близкое к ненависти.

Вот строки из письма старика, живущего в маленьком украинском городке, своему 30-летнему сыну в Москву:

"Мой мальчик, я мучаюсь от того, что не высылаю тебе справку, но ты тоже должен понять меня. Если *они* узнают, что ты уезжаешь с моего разрешения, они затравят меня. У нас уже был такой случай, ты мог слышать о нем по радио. /Имеется в виду трагическая судьба врача Штерна, осужденного на семь лет лагерей, после того, как два его сына выехали в Израиль. - М.П./ Моя болезнь прогрессирует. Тебе уже недолго осталось ждать. Скоро вместо справки от меня ты сможешь представить в ОВИР справку о моей смерти. Подожди немного...".

ОТКУДА БЕРУТСЯ ДИССИДЕНТЫ?

Я встаю в половине восьмого и сразу сажусь за стол. Раньше, когда Агентства не было, я мог спокойно спать до девяти. Теперь не то - я репортер. На свежую голову быстро составляю очередную заметку. Стараюсь втискивать факты в одну, самое большее в две странички. Есть азарт в этой борьбе с расползающейся мыслью. Плотно паковать слова - бодрая работа. Она напоминает мне о прошлом, о времени, когда я был заправдашним репортером. Пытаюсь сохранять плотность слов и на странице: машинка поставлена на полтора интервала, вместо привычных двух. Зато экземпляров мне нужно теперь значительно больше.

Закладываю не четыре копии, как прежде, а два раза по шесть на тонкой бумаге.

Вычитав готовый материал, берусь за телефон. В прошлой моей жизни звонить коллеге в десять утра считалось неудобным. В этот час до писателей не дозвонишься. Если приятель и возьмет трубку, то лишь для того, чтобы произнести самодовольно: "Знаешь, старик, вчера всю ночь строчил. Повесть идет на едином дыхании..." С репортерами проще: "Хеллоу, мистер Виллис! Гуд мунинг мистер Кент! Гуттен таг, герр Майер! Ай вуд лайк ту си ю... Зэр ар сам ньюз... Эт зе сзйм плейс... Ес! Гуд бай..."

Звоню я не из дома: об этом просит жена, боится, что отключат телефон. Приходится спускаться с пятого этажа на улицу и идти в автоматную будку. Стекла в будках разбиты. Я пережидая, когда пройдут прохожие - в нашем районе английская речь по телефону редкость.

Корреспонденции разнесены, но я продолжаю мотаться по городу: собираю материал для следующих заметок, встречаюсь с диссидентами, с активистами-христианами, а в субботу с 2-х до 4-х - "еврейские встречи" возле синагоги. "Марк Поповский-Пресс" не знает ограничений религиозного, национального или политического характера: всякий, кто желает передать для мировой прессы общественно важное сообщение, может пользоваться его услугами.

Друзья посмеиваются над моим предприятием. Других оно ужасает - в советской России частное агентство новостей?! Иностранцы корреспонденты тоже поначалу восприняли мое появление с недоумением. "Сколько вы выпустили здесь книг?" - спросил Сет Майденс из "Ассошиэйтед пресс". Выяснилось,

что книг издано порядочно и занимаюсь я литературным делом столько же лет, сколько Майденс живет на свете. "Зачем же Вам Агентство?" - "Игра, - отвечаю я, - игра, в которой ставка - свобода". - "Вы полагаете, что так вас скорее выпустят?" - "Или посадят..."

Не только корры, но даже близкие люди не понимают смысла игры, с помощью которой я не даю заржаветь моему рабочему механизму. Игра эта не только спасает меня от раздражения и безделья, от уныния и тоски, но и доставляет удовольствие. Конечно, могут посадить, но ведь и на охоте, случается, подстреливают охотника. Я затеял охоту, где сам я одновременно и охотник, и дичь...

- Ты становишься деятелем, - с укором говорит жена. - Еще недавно ты иронизировал над активистами из диссидентов, говорил, что ты литератор и литератором останешься до конца...

Да, говорил. Мы несколько раз спорили даже по этому поводу с Таней Великановой, с милой Таней, которая вся, от густой черно-седой короткой стрижки, до черных стареньких туфельек - подвиг и самоотверженность. От рассвета до полуночи Таня - мать троих детей, математик, умная, обаятельная Таня - отдана *общему делу*. Мне до нее, конечно, далеко. Но в этом чертовом июне и меня, вопреки желаниям и предсказаниям, вдруг занесло в деятели. Как это случилось? Ведь я действительно не люблю общественную и политическую возню...

Этот феномен я описал в общем виде в своей "Управляемой науке" /название готовящейся к печати книги М.Поповского. - Р е д . / . Суть сводится к тому, что в отечестве нашем между Гражданином и Властью нет или почти

нет нейтрального свободного пространства. Власть желает иметь Гражданина целиком, она всасывает его, чтобы переварить без остатка, она делает его частицей себя, своей плотью, своим сообщником. Она заставляет его полюбить несвободу, "полюбить, как писал Орвелл, Старшего Брата". Для миллионов людей этот процесс кажется вполне естественным. То, что личность может не быть собственностью государства, им и в голову не приходит. Тех же, кто сопротивляется /независимо от причины сопротивления/, Власть отбрасывает к барьеру *политической* борьбы.

Между тем, большая часть независимо мыслящих интеллигентов, несогласных с тем, чтобы Государство переваривало их, вовсе не стремятся на баррикады. Одним из них политическая борьба чужда по их личному характеру, другие убеждены, что сдвинуть косную громаду большевистской России невозможно. А есть и такие, которые дошли до мысли, что ради закосневшего в рабстве народа вообще нет смысла бороться - з т о м у народу свобода не нужна. Но для властей наши нюансы не интересны. Всякий, кто соскользнул с лавки Раба, тотчас становится Врагом. Других градаций знать они не желают. И оттого объявляют политическим противником даже того, чья оппозиция режиму носит сугубо религиозный или этический характер. Так было, в частности, с проф. Войно-Ясенецким - Архиепископом Лукой /1877-1961 гг./.

Боюсь, что вывод мой обидит некоторых хороших людей, но к сожалению это так: многие из тех, кого зовут диссидентами, оказались у барьера политической борьбы не столько по своей воле, сколько по воле властей. Писатели и ученые - они годами могли бы изливать свое общественное негодование в научных трактатах и стихах, если бы ГБ не определило их судьбу, выгнав одних из партии,

других из институтов или из Союза писателей. Ибо в стране нашей Слово воистину Дело. Здесь людей судят за беседу, за стихи, за научный доклад. Судят даже не Слово, а Мысль. Мыслящего превращают в инакомыслящего, иначе говоря, в деятеля.

Конечно, у "начинающего" диссидента всегда есть возможность покаяться /покаявшихся любят/, или даже метнуться из либералов в деятели ГБ /нынешний секретарь Московского отделения Союза писателей Феликс Кузнецов тому лучший пример/. Диссидент может потом выехать из страны или, наоборот, пойти на каторгу, но один путь ему навсегда заказан — никто не разрешит ему оставаться в стране просто частным лицом со своими собственными нестандартными общественными и политическими взглядами.

Я много лет мостился в узкой щели дозволенного: писал о порядочных героях, выступая, не клялся именами вождей, избегал собраний, где голосуют за смертную казнь или за введение танков в соседнюю дружественную державу. Этого мне казалось вполне достаточно. Но то ли с годами щель стала уже, то ли я раздался, но книг моих, выпускаемых государственными издательствами, стало мне не хватать. Я начал писать и другие сочинения. Не листовки, не воззвания, а всего лишь биографии русских ученых. От официально издаваемых книг биографии эти отличались лишь одной особенностью: в них я сообщал о жизни героя в с ю правду. Только и всего. Но этого одного оказалось достаточно, чтобы, сам того не желая, автор начал скользить от безопасного центра к периферии, в стан диссидентов.

Как возникает скольжение? Книги, не предназначенные к печати, обладают той особенностью, что, начав их писать, вы неизбежно

вступаете в круг недозволенного. Вам необходима уже не обычная, а особо доверенная машинистка. И читать их следует давать лишь верным людям. Хранить такие книги надо тоже как-то особо. Главная же беда в том, что написанная без внутреннего редактора книга отбивает у автора охоту браться за сочинения, которые станут потом коверкать внешние редакторы, не говоря уже о цензорах. Свободно написанная книга притягивает свободного же читателя и собеседника. Собеседник приносит тебе в благодарность другие произведения, тоже свободно задуманные и свободно написанные. Бердяев и Солженицын, Набоков и Надежда Мандельштам, труды богослова Шмемана и произведения Орвелла...

Ты еще не на заметке у властей, еще и телефон твой не подслушивают и письма не перехватывают, а внутренне ты уже далеко-далеко от того образа, в каковом тебе как советскому гражданину разрешено находиться. Ты уже знаешь, что революции и баррикады в этой стране ни к чему хорошему не ведут, что занятие профессионального революционера в России не более осмысленно, чем занятие профессионального самоубийцы. Ты и впредь не хочешь ничего иного, как читать интересные тебя книги, и как историк сохранять в своих произведениях правду о времени. Еще ты хочешь оставаться порядочным человеком. И только. Но твоих знакомых, таких же мирных людей, как ты сам, судят незаконным судом, ссылают, сажают в лагеря. Потом и на тебя обрушивается гнев государственного чиновника. Тебя лишают хлеба, отрезают от профессии. Тебе угрожают провоцированным уголовным процессом. Ты ожесточаешься. И в один далеко не прекрасный день становишься деятелем. Начинаются встречи с иностранными корреспондентами, публичные протесты, заявления. Ты — у барьера борьбы. Они добились своего.

"БЛАЖЕН МУЖ,
ИЖЕ НЕ ИДЕ НА СОВЕТ НЕЧЕСТИВЫХ..."

После пяти дней работы в Москве закончилась Всемирная конференция "Религиозные деятели за прочный мир, за разоружение, за справедливые отношения между народами". Москвичи, сбегаясь, чтобы полюбоваться на непривычные для столицы СССР костюмы духовных лиц, не без юмора обратили внимание на то, что для этого помпезного представления власти предоставили помещение Эстрадного театра. Театральность, стремление к внешним эффектам действительно типичны для собрания еврейских раввинов, католических священников, православных епископов и мусульманских религиозных деятелей. По мнению представителей религиозных кругов Москвы смысл этого "шоу", как и недавнее объявление проекта новой Конституции, заключается в том, чтобы на пороге Белградских встреч еще раз продемонстрировать демократизм коммунистического режима.

Лозунг "борьба за мир" не впервые используется Москвой для своих политических целей. Честь изобретения его принадлежит не нынешним руководителям, а Сталину, который с конца сороковых годов проводил под этим лозунгом самые жесткие операции "холодной войны". Тогда, как и теперь, Московская Патриархия исполняла важную роль в этих политических спекуляциях. Даже при Хрущеве, известном своей непримиримостью к религии, в пору массового закрытия церквей, белые и черные клобуки православных епископов продолжали неизменно украшать президиум "мирных" конференций и конгрессов.

.....

Создается впечатление, что та внешняя гладкость, к которой стремятся подлинные инициаторы этого парада, чиновники Совета по делам религии при Совете министров СССР, достигнута. Чтобы не оставить у гостей ни минуты свободного времени /и тем самым не дать им возможности вступать в контакты с "простой" публикой/, разработана была чрезвычайно плотная программа совещаний и всякого рода развлечений. Денег на это не пожалели: Патриархия выделила на прокормление, развлечение и устройство только иностранных гостей полтора миллиона рублей. Кроме того, не менее 500 тысяч будет израсходовано на поездки по стране наиболее почтенных гостей.

Анализ произнесенных на конференции речей почти ничего не дает для понимания этого события. Заранее составленные и многократно отредактированные в Совете по делам религии тексты советских делегатов отличаются поразительной бессодержательностью. По фразеологии и мыслям /если вообще здесь уместно говорить о какой-нибудь свежей мысли/ они ничем не отличаются от статей под рубрикой "Борьба за мир", которые вот уже почти тридцать лет печатает Журнал Московской патриархии. Может вызвать удивление то, что в такой же апологетический тон впали многие ораторы, приехавшие из-за рубежа. Но и в этом ничего необычного нет. Совет по делам религии строго отбирал иностранных докладчиков. В Москву смогли приехать лишь те иерархи, которые и прежде были известны своей готовностью повторять зады кремлевского политического букваря. Независимо мыслящих представителей клерикальной общественности на конференцию попросту не впустили. Кроме того, в странах Азии, Африки, Европы и Америки нашлось достаточно честных священников и епископов, которые отказались участвовать в конференции по нравственным мотивам. В результате из 600 ожидавшихся в Москве го-

стей на Всемирной конференции "за мир" оказалось лишь около 400 человек. Среди прибывших, естественно, преобладают лица политически пластичные.

Не знаю, убедит ли эта конференция кого-нибудь за рубежом, что СССР — страна, способная гарантировать своему гражданину подлинную свободу совести. Что же касается московской религиозной общественности, то о положении верующих в Советском Союзе ей значительно больше говорит другой недавний факт. 7 июня КГБ произвел обыск в 37 палате Четвертой Градской больницы Москвы, где в качестве пациента находился молодой христианин Александр Огородников. Офицеры КГБ унесли рукопись самиздатовского религиозно-философского журнала христианской молодежи и книги богословского содержания. В тот же день, когда конференция духовных лиц в торжественной обстановке завершала свое последнее заседание, Александр Огородников был досрочно выписан из больницы с обостренным невритом лицевого нерва. Он приехал к жене и двухмесячному ребенку, но тут же был схвачен большой группой агентов КГБ /руководил операцией капитан Круглов Андрей Андреевич/. С пяти вечера до часа ночи молодого христианина допрашивали, обыскивали, над ним издевались, ему угрожали. Сейчас ему грозит уголовное преследование за организацию в Москве философско-религиозного семинара.

Итак, конференция духовных лиц "за мир" закончилась. "Что вы думаете об этом мероприятии?" — спросил я молодого столичного священника. Вместо ответа он процитировал известный псалом, который поется на вечерне: "Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых". К этим словам, очевидно, мало что можно добавить.

"Марк Поповский-Пресс" 13 июня 1977 г

*Его Святейшеству, Святейшему Пимену
Патриарху Московскому и Всея Руси,
членов Христианского Комитета защит
прав верующих в СССР*

ПРОШЕНИЕ

Считаем необходимым довести до сведения Вашего Святейшества следующее.

Сотрудник Отдела внешних церковных сношении /ОВЦС/ переводчик Александр Шушпанов, войдя в общение с членами Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР, совершил ряд провокационных действий, направленных на компрометацию Комитета. В частности, он предлагал себя в качестве посредника, настойчиво пытаясь навязать установление связи между Комитетом и сотрудником посольств США в Москве, которую можно было бы использовать для клеветнического обвинения члена Комитета по статье 64 УК РСФСР /измена родине/.

Провокационную роль играл А.Шушпанов и в отношении других православных христиан: Александра Огородникова и друзей его.

К сожалению, деятельность такого рода не является редкой и необычной для ОВЦС.

Просим Ваше Святейшество употребить Первоиераршую власть для пресечения деятельности несовместимой с работой в церковном учреждении.

11 июня 1977 года

Члены Христианского Комитета
защиты прав верующих в СССР

священник *Глеб Якунин*
иеродиакон *Варсонофий Хайбулин*
Виктор Капитанчук

ПОМОЩЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ СССР

/Из брошюры, отпечатанной типографским способом в Советском Союзе. 38 стр./.

.....
Советская идеология сознательно чинит препятствия делу милосердия, делу помощи политзаключенным.

Это создает чрезвычайные трудности для оказания материальной и моральной поддержки людям, которых государство всячески лишает ее и которые особенно в ней нуждаются — советским узникам совести и их семьям.

Основанный А.И.Солженицыным Русский Общественный Фонд помогает людям любой национальности, репрессированным по политическим мотивам, независимо от формально предъявленных обвинений:

- осужденным, отбывающим наказание в тюрьмах и лагерях;
- осужденным, отбывающим наказание в ссылке;
- направленным на принудительное "лечение" — узникам "лечебно"-карательных учреждений;
- арестованным и находящимся под следствием;
- только что освободившимся политзаключенным;
- родственникам репрессированных, едущим на свидания;

- семьям репрессированных, имеющим детей или остро нуждающимся.

.....

Средства Фонда, частично разграбленные советскими властями, расходуются, но не пополняются. В течение последних полутора лет, после новых законов, запрещающих оформление подарочных денежных переводов через Внешпосылторг, денежные средства из-за границы по-существу не поступают.

Распорядитель Фонда Александр Гинзбург - в тюрьме.

Преемники Фонда: Мальва Ланда - приговорена к ссылке. Кронид Любарский - под надзором, под угрозой ареста /якобы за нарушение надзора/. Татьяне Ходорович - угрожают тюрьмой, если она не покинет СССР⁺.

Мы, однако, надеемся, что учредители Фонда при поддержке западной общественности найдут выход из создавшегося безвыходного положения.

12-15 июня 1977 года

*Татьяна Ходорович
Мальва Ланда
Кронид Любарский*

⁺ Кронид Любарский и Татьяна Ходорович эмигрировали под нажимом из Сов. Союза в ноябре 1977 года. Фонд переняли др. доверенные лица. - Р е д .

Прокуратура
Кунцевского района
г. Москвы
121360 Москва,
ул. Толбухина 12
14 июня 1977 г.
№ Ж-414

Москва,
ул. акад. Павлова
36, кв. 139
гр. Поповскому М.А.

На Вашу жалобу по поводу произведенного у Вас на квартире 3 июня с.г. обыска сообщаю следующее...

Обыск произведен в соответствии с требованиями ст.ст. 168-171 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР... Изъяты у Вас при обыске: "Заявление аккредитованным в Москве иностранным журналистам" на 1 листе; статья: "В Россию с любовью" на 2 листах... статья "99,99 процента" на двух листах не могут быть Вам возвращены, как содержащие ложные измышления, порочащие советский государственный строй.

Прокурор Кунцевского района
г. Москвы
советник юстиции

/А.А.Коцетков/

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

Моим ровесникам, кому сейчас за пятьдесят, времена нынешние могут показаться на редкость либеральными. Не чудо ли: в центре Москвы группа оппозиционно настроенных к правительству граждан собирает пресс-конференцию, приглашает иностранных корреспондентов, чтобы обсудить положение свободного слова в современной России. А КГБ? Проморгали? Как бы не так! Когда без пяти шесть.

я подошел к огромному, в стиле сталинского ампира, дому на проспекте Мира, перед подъездом уже стояла легковая машина с четырьмя агентами. Со стороны двора у черного хода — вторая "четверка". Где-то рядом по слухам есть и третья.

Стоящие возле тротуара набитые людьми машины без огней, с выключенными моторами, научаешься распознавать очень скоро. Что они там делают, в душном автомобильном нутре с задраенными окнами, эти мужчины? Подслушивают с помощью сверхсекретной техники речи, произнесенные за каменными стенами? Фотографируют входящих и выходящих? Но почему не врываются в дом, почему не хватают участников пресс-конференции, не выворачивают руки, не увозят в "черных воронах"? Мы ведь помним: недавно так поступали с людьми, которые и вовсе ни в чем не перечили государственной власти.

Торжество законности? Либеральные времена? Ох, нет. Хотя методика несколько изменилась, суть осталась той же. Сегодня для властей главный вопрос: *где* происходят "нарушения". Если бы пресс-конференция была задумана в Киеве, или, скажем, в Ленинграде, то агенты КГБ и милиция схватили бы участников задолго до назначенного часа. Волочили бы по лестницам, не обошлось бы без наручников и избиений. Москва — другое дело. Здесь, на виду у просвещенной Европы /а, главное, Америки/, великая держава наша демонстрирует государственную респектабельность. Само собой разумеется, в свой черед всех говорунов выловят. Под разными надуманными предлогами /не за пресс-конференцию, конечно/, отправят одних в Мордовские лагеря, других по израильской визе вон из страны. Двенадцать агентов в трех легковых машинах уже сегодня готовят материалы

для будущих закрытых процессов. Но пока в столице - решпект.

Пока квартира Татьяны Ходорович на восьмом этаже наполняется народом. Корреспонденты француз, англичанин, шведка, несколько американцев - пошучивая и посмеиваясь между собой, устраиваются вокруг слишком тесного стола. Для них тут хозяйка дома приготовил минеральную воду и апельсиновый сок. По московским масштабам комната большая, но и она не рассчитана на такое число гостей. Стульев мало, но москвичи - человек 25-30 устраиваются запросто: кто остается стоять а кто садится прямо на пол. Несмотря на распахнутую балконную дверь, в помещении очень скоро повисает тяжелая, влажная духота.

Сегодня - большой сбор. Кроме двух Тань - Ходорович и Великановой - я вижу маленькую подвижную Мальву Ланду, Турчина, пожилого профессора Неймана. Свесив большую наголо обритую голову, как-то совсем не по-генеральски сидит в кресле стареющий ветеран Петр Григоренко. Последними приходят супруги Сахаровы. Застенчиво, совсем по-детски улыбаясь, Андрей Дмитриевич подает хозяйке дома не слишком аккуратно завернутый батон дефицитной копченой колбасы: подарок предназначен для очередной посылки в лагерь.

- Ну, что ж, начнем...

Примостившись со своими бумагами на краешк стола, Татьяна Сергеевна оглядывает многочисленных гостей. Шум спадает. Ходорович начинает пресс-конференцию. Таня беленькая как зовут ее за глаза, чтобы отличить от Тани Великановой, одна из самых значительных и обаятельных фигур протестующей Москвы. Она от природы наделена счастливым даром материнского господства над челове-

скими душами. И четверо, живущих вместе с ней, взрослых детей и множество чужих, проходящих сюда за советом и помощью, как должное принимают ее старшинство. Не выделяется Татьяна Сергеевна ни ростом, ни обликом: простое милое лицо, чуть припухшие усталые глаза, неприметная одежда. Одинаково ровным, негромким голосом разговаривает она с родными и чужими, с иностранными корреспондентами и со своей юной невесткой. Никаких ораторских способностей: речь ее звучит даже слишком буднично, по-домашнему. И все же авторитет ее среди диссидентов огромен. Может быть, оттого, что живет она у всех на виду. С тех пор, как ее, ученого-лингвиста, изгнали из академического института, Таня беленькая занята, кажется, только чужими делами и бедами. Через квартиру на проспекте Мира целыми днями катится людской поток. Чаще всего это женщины: жены и матери заключенных, ссыльных, подследственных. Она выслушивает их душераздирающие рассказы о многосуточных лагерных голодовках, о карцерах, об избиении политических, о нищете семей, оставшихся без кормильца. Я видел ее во время этих разговоров. Таня очень сдержанна, никаких эмоциональных всплесков, старается не упустить деталей, все понять и запомнить. Сходу прикидывает, как наиболее рационально, без проволочек, помочь каждому, кто в беде.

Год назад она сказала мне: "Самое страшное для тех, кто томится в тюремных камерах и лагерных бараках — мысль, что на свободе их забыли. Мы подаем им уверенность в том, что они не одиноки. Мы сообщаем о них всему миру, ободряем их. Моральная поддержка подчас важнее для осужденного, чем продовольственная посылка". Мы — это группа Хельсинки. После ареста Александра Гинзбурга Тане пришлось принять на себя также нелегкий крест хранителя и распределителя Русского Общест-

венного /Солженицынского/ Фонда помощи политзаключенным. Теперь посылки, денежные переводы - тоже ее дело. Но по-прежнему считает она, что людям за колючей проволокой, да и тем, кто пока на свободе, но над кем нависает угроза преследования, надо помогать словом, дружеским участием. Пресс-конференция для нее - одно из средств ободрить, защитить своих подопечных. По ее приглашению они встают перед столом корреспондентов, чтобы рассказать о своих судьбах.

Вот мужчина средних лет. Немец. Всю жизнь провел в сибирской ссылке вместе с другими немцами Поволжья. Рабочий. Хочет эмигрировать в ФРГ. Туда же уехали его родители, жена и дети. Ему не дают визы.

- ОВИР сомневается в вашем немецком происхождении? - спрашивает кто-то из корреспондентов.

Мужчина смущенно мнется.

- Скажите, скажите! - подбадривает его Татьяна Сергеевна.

- Они не сомневаются, - объясняет немец. - Они говорят: "Ты работаешь хорошо, аккуратно, как настоящий немец. Такие нам нужны. Мы тебя не отпустим. Будешь работать на нас".

Еще двое рабочих из Ленинграда. Один из них впал в немилость у КГБ. Тогда сотрудники КГБ обратились к его другу: пусть тот напишет на своего приятеля донос. И потерпевший и "доносчик" перед столом. Обоим лет по тридцать. Дружат около десяти лет. Приехали в Москву специально, чтобы поведать членам группы Хельсинки о своей беде. "Доносчик" Ляхов сокрушенно сообщает подробности. Ему хочется стать ученым-лингвистом. Ради этой

мечты он, не оставляя завод, заочно окончил Ленинградский университет. За день до защиты диплома к нему пришел капитан Баранов и предупредил: "Если не дашь показаний против товарища - не разрешим защищаться, не дадим диплома". Парень думал всю ночь и... пошел на предательство. Таня Ходорович комментирует:

- Ляхов теперь в особенной опасности: его под любыми предлогами постараются посадить за решетку. Разоблачения своих методов КГБ не прощает.

Следующий Танин гость, высокий красивый юноша с украинским акцентом, повествует уже не о собственной судьбе, а о трагических судьбах десятков тысяч своих единоверцев - адвентистов седьмого дня. Эта рассеянная по югу страны христианская секта отказывается принимать участие в каких бы то ни было формах советской государственной жизни: адвентисты не выбирают депутатов в советы, не подписываются на газеты, на свой лад воспитывают детей. Руководители адвентистов брошены в тюрьмы, либо скрываются. Среди тех, кого разыскивает милиция - 82-летний вождь этой христианской общины. Адвентистов преследуют на работе, их детей оскорбляют и унижают в школах. У верующих родителей по суду отнимают детей. Духовную жизнь своей общины адвентисты поддерживают, выпуская в подпольных типографиях богословские труды, журналы, сборники и даже стихи. Молодой человек раскладывает перед корреспондентами пачку прекрасно изданных и отлично переплетенных книг религиозного содержания. Прокуратура, КГБ, милиция уже годы ищут следы подпольных типографий. Но пока, слава Богу...

Среди присутствующих - движение, кто-то даже пытается аплодировать. Это же чудо! Не-

зависимые типографии в стране, где все государственное.

Я наблюдаю за корреспондентами. Они почти ничего не записывают. Им жарко, душно и, очевидно, скучновато. Речи на чужом языке утомляют их. Таня дает слово мне. Стараюсь быть кратким и говорить четко. Тема: судьба писателя, который не соглашается публиковать у себя на родине полуправдивые книги. Несколько слов посвящаю своему Агентству. Корреспонденты ни о чем не спрашивают. Только один из американцев, посмотрев на часы, поинтересовался у Тани, много ли еще людей она собирает для им представить.

Когда встает Сахаров, репортеры несколько оживляются. Его они слушают внимательнее, чаще записывают. Андрей Дмитриевич говорит о том, что власти расправляются с людьми, которые осмеливаются приходить к нему в дом. На многих заведены уголовные дела, а двух посетителей убили. Сахаров на публике говорит с трудом. Оратор он слабый. Жесты его кажутся беспомощными. Но в каждом его слове звучит искренность, сострадание к людям, попавшим из-за него в беду.

Последняя история особенно страшна. К Сахаровым пришел человек из Новосибирска, рабочий Яковлев. Он жаловался на несправедливости заводского начальства: в отместку за критику его перевели на неквалифицированные работы, снизили заработную плату. Что делать? Сахаров посоветовал уйти на другой завод, а еще лучше, покинуть город. Советы, конечно, не блестящие, но что тут можно придумать? Парень ушел, а через три часа прибежала его мать. Она, оказывается, ждала сына на вокзале, чтобы ехать домой в Сибирь. Он не пришел. Денег у нее нет, билета тоже. А главное, она очень беспокоится за сына. Сахаровы принялись обзванивать милицейские

участки, больницы, морги. Тело несчастного парня удалось найти только на третий день. Оно оказалось в морге города Балашиха Московской области. По документам Яковлев значился сбитым машиной в Москве на Садовом кольце. Но, как доподлинно дознался Андрей Дмитриевич, жертв автомобильных катастроф из Москвы *никогда* в Балашихинский морг не доставляют. Стал ли сибиряк жертвой случайной катастрофы или его убили преднамеренно — неизвестно. КГБ прочно хранит свои тайны. Но это уже второй гость Сахаровых, погибший *сразу* после выхода из их дома. "Мы как прокаженные, — грустно замечает по этому поводу Татьяна Ходорович. — Сами живы, а тех, кто к нам прикасается — заражаем...".

Весть о закрытии пресс-конференции корреспонденты приняли с энтузиазмом, как школьники зашумели, стали быстро собираться. Я еле успел раздать несколько материалов своего Агентства. Брали вежливо. Отказалась только шведка, из "Дагенс Нюхетер"; молодая голубоглазая дама с явно выраженными женскими прелестями. "Я заранее знаю все, что вы там написали", — произнесла она на чистейшем русском языке.

"Марк Поповский-Пресс" 16 июня 1977 г

СВАДЬБА ПО-МОСКОВСКИ

Они познакомились в прошлом году в Москве решили пожениться. Никто не препятствовал браку 30-летнего парижского адвоката Даниэля Гийо и его подруги, сотрудницы одного и московских научно-исследовательских институтов Татьяны Пшичковой. Ведь закон, отказывающий советским гражданам в браках с

иностранцами, — отменен. Но когда в Московском ОВИРе Даниэлю Гийо перечислили те бумаги, которые он обязан представить, он схватился за голову: "Единственное, что они от меня не потребовали, была справка о прививке оспы", — сказал он своим московским друзьям.

Используя профессиональные навыки и недюжинную энергию, жених в конце концов добыл требуемые бумаги. Бракосочетание назначили на 31 мая 1977 года. Но *просто* приехать на собственную свадьбу Даниэль и его 62-летняя мать не имели права. В СССР иностранец, если он не дипломат, не делец и не аккредитованный журналист, может находиться лишь в качестве туриста. Семье Гийо пришлось приобрести ненужную им туристскую путевку, включающую посещение нескольких городов СССР.

В Москве выяснилось, что родители невесты не имеют права устраивать свадьбу в собственной квартире: иностранец, вступающий в брак, обязан снять для свадебного ужина зал в дорогом ресторане... Как юрист, Даниэль Гийо уважает законы. Его, однако, поразило, что все установления, с которыми он столкнулся, как лицо, желающее вступить в брак с советской гражданкой, носят исключительно запретительный и ограничительный характер. Одно распоряжение он, тем не менее, нарушил: провел брачную ночь в квартире своей жены, что в Советском Союзе строго-настрого запрещено.

Надо полагать, что ночь эта показалась молодым людям довольно короткой, так как в 8 утра Даниэль и его мать обязаны были выехать со своей группой по туристскому маршруту в Ленинград. Исключения для новобрачных власти сделать не пожелали, Таня поехала с мужем в Ленинград. Остановиться ей

пришлось у своей подруги, так как даже с брачной отметкой в паспорте она не могла проникнуть в гостиницу для иностранцев, где жил ее муж.

Два дня спустя они расстались: туристы двинулись в Хельсинки, советская гражданка Пшичкова вернулась, как принято писать в милицейских протоколах "к месту постоянной прописки". На днях мы навестили молодую даму. "Собираетесь в Париж?" - "До Парижа еще далеко, - отвечала она. - Пройдет не менее 2-х месяцев, прежде чем у меня возьмут документы, чтобы оформить выезд из страны". - "Он пишет вам?" - "Да, конечно. Беда лишь в том, что его письма доходят до меня лишь на 10-12 день". - "Как отнеслись к вашему замужеству у вас на работе?" - "Девушки и молодые люди - с энтузиазмом, а в парторганизации считают..." Диалог с секретарем парторганизации НИИ, пожилой дамой, ново-брачная описывает следующим образом:

"Танечка, я никак не ожидала, что вы, комсомолка, выйдете за француза..." - "Вы полагаете, что мне следовало выйти за казаха или якута?" - "Нет, это ваше дело, но теперь вам придется покинуть комсомольскую организацию. Вы должны оставить надежду на вступление в партию". - "О, партийная карьера никогда не пленяла меня, особенно теперь..." - "Но знаете ли вы, что во Франции никто не предоставит вам работу по специальности. Вам предстоит /подумайте об этом!/ стать придатком вашего мужа". - "Ах, - с мечтательной улыбкой ответила молодая супруга, - если бы вы знали, какой он милый, мой Даниэль. Быть его *придатком* - тоже удовольствие..."

По сведениям, полученным от французского консула в Москве, на оформление документов Татьяны Пшичковой-Гийо и выдачу ей права на

выезд в Париж советским властям потребует-
ся от двух месяцев до семи лет.

Примечание. 10 августа 1977 года: Татьяна Пшичкова-Гийо все еще в Москве. Она трижды пыталась подать документы в ОВИР, но под разными предлогами бумаги ее не принимают.

ОВИР: ВТОРОЙ ЭТАЖ

Зато наши дела с выездом неожиданно сдвинулись с мертвой точки. Утром 13 июня начальник районного ОВИРа объяснил Лиле: "Вы с вашим мужем для государства нашего люди малоценные, держать вас в стране бесполезно". А к вечеру любезный женский голос оповестил нас по телефону, что бумаги наши переправлены в городской ОВИР и отныне заниматься нашим выездом будет заместитель начальника Московского городского ОВИРа Александр Григорьевич Зотов. Нас просят зайти на второй этаж в удобное для нас время...

Нервные, задерганные просители первого этажа о втором говорят, как о вершине недосыгаемой. Те, кому удалось подняться туда по лестнице, охраняемой милиционером, считают себя счастливцами. Ибо на второй попадают только граждане, которых власти решили выпускать. Почему тот или иной проситель попадает в число "второзтажников" неизвестно. Да и не так это важно. Достаточно знать: отныне ты — счастливец!

Юная дева — инспектор, специально спустившись из своей небесной обители, провела нас в верхний зал. В отличие от мрачноватой затененной деревьями нижней ожидальни, здесь светло и даже празднично. Жесткие канцелярские стулья заменены удобными креслами. В

кресле человек сидит развалясь, нога на ногу. В лицах посетителей второго этажа — безмятежность или в крайнем случае — спокойная деловитость. И только. Да и администрация в кабинетах второго этажа кажется более очеловеченной. Никто никому не грубит, никто не швыряет обратно бумаг. Даже на ОВИР не похоже.

Мордастого толстяка Зотова как будто нарочно подобрали, чтобы он контрастировал с Золотухиным. На Зотове кремовая рубашка с короткими рукавами и распахнутым воротом. Подполковник встает нам навстречу и протягивает для рукопожатия большую мягкую лапу. Всем своим видом он говорит посетителю: "Чего иам с тобой мудрить, дорогой! Ты меня понимаешь? Я тебя понимаю! Хочешь уехать? Уедешь!" Голос у него басовитый, с приятной хрипотцой, как у заядлого любителя холодного пива:

— Значит, говорите, что родители вам справки не дают? Ерунда! Уладим. Справки я беру на себя. Приносите в четверг остальные документы и все будет в порядке.

Подполковник Зотов улыбается нам, как старым друзьям. На правах приятеля слегка журит меня:

— Только давайте не будем конфликтовать. Давайте действовать мирно, спокойно. Ну, к чему вам эти иностранные корреспонденты? Зачем вам Агентство?

Ах, вот оно что! Зотов получил приказ форсировать наш выезд из страны после того, как его начальство рассмотрело бумаги, которые взял при обыске нашей квартиры капитан Богачев. Какая все-таки удобная штука — нерасчлененность государственной власти. Ордер на обыск дала прокуратура /Министер-

ство юстиции/, отобранные бумаги читает КГБ, не исключено, что консультирует их в Московском комитете партии, а в результате выезд за границу нашей семьи ускоряет ОВИР /Министерство внутренних дел/. Не это ли зовется демократическим централизмом? Впрочем, не станем цепляться за термины. Не будем конфликтовать, — как советует подполковник Зотов. Ясно одно: мое *Обращение* к иностранным корреспондентам сделало меня персоной нежелательной. В таких случаях они либо арестовывают, либо разрешают эмиграцию. Скорее всего начальство еще не решило, как именно поступить, но подчиненные на всякий случай приготовились к обоим вариантам: в письме ко мне прокурор сформулировал статью 190¹ Уголовного кодекса РСФСР /"Ложные измышления, порочащие советский государственный строй"/, а Зотов, наоборот, обещает скорый выезд.

— Если у вас будут трудности — звоните прямо ко мне — широким жестом приглашает Александр Григорьевич. — Чем можем — поможем...

+ + +

Насчет "трудностей" он как в воду глядел.

Дочери нашей в домоуправлении отказались выдать справку. Обычную бумажку о том, что она здесь живет. Справки с места жительства выдаются по всей стране миллионами, но в этой надо дописать: "выдана для предоставления в ОВИР в связи с выездом в Израиль". Пожилая паспортистка упорно твердила, что про "город Израиль" она писать не обязана. А директор автобазы, где шофером работает муж дочери, кричал нашему Мише: "Предатель! Покидаешь родину?! Предаешь свой народ!" Справку он не давал до тех пор, пока Миша не потребовал расчета. Об этих двух — паспортистке и директоре автобазы можно было

бы и не упоминать, если бы в выкриках их н звучал vox populi - глас народа. Народ, простые люди России, в полном единении с властью негодуют против тех, кто по собственной воле желает покинуть страну. Им видится в этом предательство, измена родине, той самой родине, которую они втайне кляну и обкрадывают, но вместе с тем пишут слово это с большой буквы.

В Суд Бауманского района г. Москвы от бывшего политзаключенного, доктор технических наук БОЛОНКИНА А.А.

Адрес: 671510, пос. Багдарин, Баунтовского района Бурятской АССР, до востребования

ЗАЯВЛЕНИЕ

.....

В 1970 году мною в издательство МВТУ /Московское высшее техническое училище/ им. Баумана была сдана рукопись монографии "Новые методы оптимизации и их применение", которая была принята к открытой публикации и должна была выйти в 1972 году. В 1972 году, в связи с фабрикацией моего политического дела, рукопись была захвачена МВТУ по указке кагебни. В течение пяти лет я добивался возврата рукописи. Обращался в МВТУ, Министерство, в прокуратуру, в Бауманский суд, но все органы коммунистической партбуржуазии нагло саботировали решение этого вопроса.

Более того, в к-лагерях ЖХ-385 /Мордовия/ меня стали подвергать пыткам и истязаниям.

Только из последних 18 месяцев пребывания к-лагере меня 105 дней продержали раздетог в холодном карцере на 150 граммах черного хлеба и воде и 9 месяцев во внутренней каторжной тюрьме особого режима. /Тюремные власти/ отказались заверить мою подпись на доверенности на ведение дела, полностью заблокировали мою переписку.

По выходе из к-лагеря я вновь поднял этот вопрос. Судья Сорина тянула полгода и, наконец, родила Определение, в котором отказала в судебном рассмотрении.

20 апреля 1977 года, через семь лет /!/ МВТУ вернуло мне черновик рукописи, но до сих пор отказывается вернуть чистовик, который якобы не может найти.

Требую:

1. В соответствии со статьями 510, 512 Гражданского Кодекса РСФСР вернуть чистови рукописи "Новые методы оптимизации и их применение".

2. Выдать мне справку о том, что рукопись была сдана в Издательство МВТУ в 1970 году...

.....

18.6.1977 г.

/А.Болонкин/

Примечание 10 августа: 30 июня в Москве состоялся суд, разбиравший дело Болонкина. Судья Сорина телеграфировала, что "присутствие истца на суде не обязательно" и милиция не выпустила д-ра Болонкина из забайкальского поселка, в котором он находится

в ссылке. Суд отказал Болонкину в иске. Кассационный суд, состоявшийся в июле, подтвердил решение низшей инстанции.

"Марк Поповский-Пресс" 18 июня 1977 г.

99,99 ПРОЦЕНТА...

Завтра в СССР состоятся выборы в Верховный Совет и местные советы. После каждого выборов наши газеты сообщают о поразительной активности избирателей. В отчетах, как правило, фигурирует цифра 99,99 процента избирателей, которые отдали свои голоса за назначенных партийными органами депутатов. Как же в действительности обстоит дело? Член участковой избирательной комиссии в Москве рассказал нам:

"Времена, когда население воспринимало выборы с энтузиазмом давно миновали. Сегодня многие хотели бы освободиться от этой процедуры. Однако лишь немногие решаются не явиться к урнам в назначенный день: такой поступок власти рассматривают как акт политической неблагонадежности. Тем не менее, существует метод, с помощью которого все большее число избирателей уклоняется от голосования. За несколько дней до выборов избиратели приходят на свои участки и просят исключить их из списков, так как они будут якобы голосовать на другом участке или в другом городе. Поводы для получения так называемого "открепительного талона" придумываются самые разные: поездка к больным родственникам, отъезд в служебную командировку, уход в отпуск и т.д. Получив "талон", избиратель его не использует и таким образом выбывает из числа голосующих".

Член другой избирательной комиссии сообщил, что на его участке за последние три года на 1800 избирателей открепительные талоны брали 300 и более человек, то есть шестая часть избирателей. По мнению этого опытного деятеля примерно такая же пропорция существует и на других избирательных участках столицы.

Как же реагируют партийные власти на "утечку" избирателей? В связи с предстоящими выборами райкомы КПСС Москвы дали распоряжения избирательным комиссиям просмотреть списки избирателей за последние 3-4 года и установить, кто именно постоянно откреплялся. В нарушение избирательного закона члены комиссий будут теперь требовать у таких граждан, чтобы они подтвердили свой отъезд из Москвы 19 июня документами, представили командировочное удостоверение, путевку в дом отдыха или железнодорожные билеты. Дано распоряжение всячески тормозить выдачу открепительных талонов, а у тех, кто на этом настаивает, выяснить место работы, чтобы в дальнейшем подвергать этих преступников дисциплинарным взысканиям.

Трудно сказать, окажутся ли перечисленные меры действенными, но несомненно, что после выборов 19 июня Советский Союз вновь торжественно оповестит мир о том, что 99,99 процентов избирателей страны отдали свои голоса за нерушимый блок коммунистов и беспартийных.

ОБЕД С ДАМАМИ

В России иноземец от века известен как "шпион, лазутчик, пятая колонна". Его надо остерегаться, с ним лучше не водиться. Но

вместе с тем /и это тоже традиция/ его следует ублажать, давать ему лучшую еду, жилище, самый удобный и быстрый транспорт, потому что, во-первых, платит он *настоящими* деньгами, а, главное, неизвестно, кто он такой. А вдруг сенатор? Или из ПЕН-клуба? И еще одна есть причина, почему от иностранца лучше держаться подальше. Общение с ихним братом от века дело государственное, правительственное. А в правительственные виды лучше частному лицу не вступать.

Органы, надзирающие за иностранцами, делают все, чтобы отделить заграничных от наших. Для тех по всей стране отдельные гостиницы, автобусы, спальные вагоны прямого сообщения, отдельные залы в ресторанах и ложи в театрах. Но всего, конечно, не предусмотреть. Как, например, быть с общением? Идеально, если бы иностранцы общались только между собой или на крайний случай со штатными и внештатными агентами тайной полиции, которых им для этой цели подсовывают. Но заграничных в Москве нынче столько, что за всеми не уследишь. Из-за недосмотра завелось нечто такое, чего раньше никогда не бывало: иностранцы ходят к советским в гости. И при этом разговаривают. У надзирающих, естественно, есть всякого рода подслушивающие и подсматривающие приспособления. Но самый факт общения, увы, налицо, и с этим ничего не поделаешь.

Конечно, на такие контакты с советской стороны решаются только оголтелые. Может быть и нашлось бы более смельчаков, но пугают последствия: многие у себя на службе подписывают специальное секретное обязательство относительно общения с иностранцами: мол, никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах. Но есть такие неслухи, что нарочно зовут к себе иностранных гостей, главным образом для того, чтобы независи-

мость свою показать. Рискуют, конечно, но упорствуют. Знают, что нынче не то, что прежде, когда за такие штуки запросто расстреливали. Теперь не стреляют.

Именно это счастливое обстоятельство и позволило мне встретить в доме моего коллеги, писателя Икс, двух западных корреспондентов. Точнее, корреспонденток. Икс, человек хорошей литературной и общественной репутации, известный своими книгами в СССР и за рубежом, пригласил нас с женой на обед. Я полагал, что речь пойдет о скромном собеседовании двух немолодых пар, но оказалось, что обед предназначался не только для нас четверых. Переступив порог Иксовой столовой, увидел я, что на диване, на правах старой приятельницы дома, уютно устроилась молодая дама. Я тотчас узнал в ней ту самую крутобокую шведку с ярко голубыми глазами, с которой возник у нас на пресс-конференции короткий и малосимпатичный обмен мнениями. Она меня тоже узнала, кивнула, но позы не переменяла. Она вообще весь этот вечер предпочитала молча полулежать, давая тем самым понять, что большого интереса наш с Иксом разговор для нее не представляет.

О чем толкуют два "левых" московских литератора за рюмкой чего-нибудь такого? Да все о том же: о трудностях профессии, о гадах редакторах и цензорах, вырывающих из рукописей клочья живого тела, о книгах, оставшихся в столе и не имеющих надежды сыскать себе читателя. У моего товарища таких "неродившихся" детей — четверо, у меня — столько же. Жен наших разговор этот касался самым непосредственным образом, но шведке был он явно скучен. Заговорили о диссидентах, о тюремных и лагерных историях, но и эта тема, оказывается, ей надоела. Шведский читатель пресытился однообразными русскими новостями. Коснулись другой больной темы —

эмиграции. Хозяин дома сказал, что если его литературные дела не исправятся, ему тоже придется подумать об отъезде. "Дела" эти действительно выглядят странно: все, что он издавал в стране, критики встречали с восторгом. Но беда в том, что всего только и издали за пятнадцать лет что два романа. Они с женой дошли до полной нищеты. За долги судебный исполнитель описывал у них мебель. И это при все том, что работать Икс любит, работает серьезно, с глубоким знанием того, о чем пишет. На Западе его повесть выпустили в дюжине издательств.

"Хилять надо" - напомнил я сакраментальную фразу, брошенную когда-то нашим общим, давно уже уехавшим в Штаты, товарищем. Шведка подняла на меня свои ярко-голубые глаза. Она прекрасно поняла смысл этого выражения. И не только поняла.

- Потенциальные эмигранты, - раздраженно сказала она, - всех пытаются тащить за собой. Интересно, что вы запоете через два года там, на Западе?

Я не знаю, что именно я запою через два года. Икс тоже не знает. Но здесь нам и вовсе запрещают петь. А хочется... Последнее замечание шведка оставила без внимания.

Обед продолжался. Похвалив хозяйку за великолепное второе, мужчины обратились к русской истории. Икс рассказал об одном трагическом эпизоде минувшей войны, который его живо занимает. Затем я поделился своими литературными планами: новая моя книга будет называться "Куда девались толстовцы". Удалось найти большой частный архив толстовцев. Открылись подробности жизни и гибели нескольких тысяч русских людей, последователей религиозных и этических взглядов графа Льва Толстого.

Увы, мы ясно видели: ни проблемы войны, ни вопросы мира нашу иностранку не занимают. В таких случаях хозяева чувствуют себя виноватыми: неудобно как-то получается, невежливо. Я воззвал к Пушкину: "Поговорим о странностях любви"... Шведка на диване переменила позу, оживилась. Новая тема пришлась ей по душе. Рассказала о шведских порнографических фильмах и журналах, о новых методах проституции в Стокгольме. Теперь девицы дают в газете объявление: "Кабинет массажа" и номер телефона. Никаких красных фонарей, никаких бандерш. Шведы спорят, следует ли запретить такие объявления в газетах. Высказывается мнение, что не следует проявлять к девицам излишней строгости, ведь среди них много бедных девушек из Финляндии, которые приезжают в Стокгольм специально для того, чтобы с помощью "массажа" поправить свои материальные дела. Общественность по этому вопросу еще не пришла к окончательному мнению...

В середине обеда - звонок: пришла еще одна гостья, юная французская журналистка Анна. Она уже год в Советском Союзе. Получила назначение в Московское бюро Агентства "Фран Пресс" сразу после университета. Интеллигентное выразительное личико, худенькая изящная фигурка. Одета, как и большинство корров просто: дешевая кофточка и потертые джинсы. Лишних слов Анна не любит, но суждения ее безапелляционны. В СССР ей все нравится.

- У вас нет безработицы.

- Но ведь вы наверно заметили, мадемуазель что в среднем люди у нас зарабатывают очень мало. Вы представляете, что такое жить на 80 рублей в месяц?

- Я предпочитаю, чтобы во Франции все жили бедно, но все имели работу.

- Вы недовольны внутренней политикой вашего нынешнего правительства?

- И внешней тоже.

- А что вы скажете о русских эмигрантах в Париже?

- Они мне не нравятся.

- Случалось ли вам интересоваться положением верующих в СССР?

Анна пожимает худенькими плечами. Религия всегда реакционна. Костры инквизиции... Кроме того она знает: сотрудникам французского посольства в Москве весьма настойчиво рекомендуют посещать храм. Атеисты в посольстве чувствуют себя не лучшим образом...

- Похоже, мадемуазель, что вы придерживаетесь крайне левых взглядов?

Бледное личико Анны вспыхивает раздраженным румянцем. Уже много раз здесь в Москве ее называли... как это? Ах, да - "левачка". Она дала себе слово не разговаривать с москвичами о политике. И вот опять...

- Оставим политику. Надеюсь, в Москве у вас есть хорошие знакомые, друзья. Вы здесь не скучаете?

- Скучать не приходится - работы очень много. Но в целом новые знакомства в Москве - проблема. Каждый день в Агентство Франс Пресс звонят местные люди: предлагают встретиться, познакомиться, просят принять какие-то рукописи.

Анна остерегается их. Она никогда не выходит к незнакомым русским. /"Я - тоже, - поддерживает ее шведка. - Возможны провокации"/.

- Но может быть, среди этих прорывающихся к вам людей есть интересные собеседники, те, кто могли бы открыть новые стороны жизни в России?

- Нет, нет, мы не можем рисковать своей службой, своим положением. Не следует знакомиться со случайной публикой, - отвечает за Анну шведка.

Француженка согласно кивает головой в такт словам своей умудренной жизненным опытом подружки.

"Марк Поповский-Пресс" 20 июня 1977 г.

СССР: ХРИСТИАНСТВО МОЛОДЕЕТ?

В одной из московских квартир, в обстановке строгой конспирации, только что закончился очередной религиозно-философский Семинар молодых православных. Более сорока человек /большая часть - из провинции/ два дня обсуждали проблемы философии, теории и современной практики православия. Семинары начались в 1974 году по инициативе студента Александра Огородникова. 27-летний Огородников объясняет необходимость таких встреч тем, что русская Православная церковь в Советском Союзе под давлением властей свела свою деятельность к "отправлению религиозного культа". Верующие оказались лишенными каких бы то ни было форм активного общественного и личного служения церкви. "Нужен мост между молчащей, плененной церковью, и

тоскующим, ищущим истину народом" - говорит Огородников. Этот "мост" он и его друзья видят в миссионерских поездках по стране с проповедью Евангелия, в религиозных общинах, в семинарах и взаимопомощи.

Семинары, которые состоялись уже в Ленинграде, Казани, Уфе, Смоленске, Гродно, Львове и Одессе показали, что во многих городах страны есть юноши и девушки /в основном это студенты, преподаватели и весьма распространенный ныне тип интеллигента-рабочего/, которые, оттолкнувшись от официальной идеологии, через левый радикализм и пафос молодежной контркультуры пришли к Православию. Доклады нынешнего семинара касались взаимоотношения неофитов и церкви, а также современного левого сознания /Адорно, Маркузе, Фром, Сартр, Дебре/. Но наибольший интерес представляла дискуссия по докладу: "Культура катакомб или поиски относительно свободных форм жизни в советском тоталитарном обществе". Говоря о развитии подпольной /катакомбной/ христианской культуры, молодые православные не ограничиваются докладами на семинарах и выпуском своего Бюллетеня. Они убеждены, что в недрах тоталитарного советского общества им удастся создать живую христианскую общину. Для начала решено организовать летнюю школу /кемп/, где молодежь сможет проводить свой отпуск в общении с близкими по духу единомышленниками. Желая избавить своих детей от назойливой антирелигиозной пропаганды, новые христиане делают также попытку создать в одном из городов страны детский сад со своей собственной программой воспитания.

Вся эта сугубо мирная деятельность возможна в СССР лишь в абсолютной тайне. Помолодение христианства, появление очагов православной теории и практики раздражает власти, толкает их на жестокости против религиозных дис-

сидентов. В прошлом году был насильственно помещен в психиатрическую больницу в Москве активный деятель нового движения Эдуард Федотов. Врачи впрыскивали ему огромные дозы нейролептиков. "Федотов тяжело болен, его болезнь - религия, мы лечим его от веры", - заявил друзьям Федотова заведующий отделением в больнице № 14 врач Н.Левицкий. Других участников семинара агенты КГБ постоянно задерживают и преследуют. Студентов исключают из университетов и институтов, отправляют служить в армию. "Нас терроризируют, запугивают, - говорит А.Огородников, - но число тех, кто хочет вернуть подлинную жизнь русской Православной церкви с каждым годом растет".

ЛЮДИ И КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Таня Ходорович выглядела в тот вечер озабоченной и возбужденной. Свое душевное состояние от посторонних она обычно скрывает. Мы привыкли: Таня всегда ровна, всегда спокойна. Но последние дни ее измотали. Позавчера она была на допросе в прокуратуре. Отвечать на вопросы, как обычно, отказалась. Следователь дал понять: дело заведено серьезное. Через третьих лиц передал: пусть Ходорович эмигрирует, иначе суда ей не миновать. Танины дети и все мы - за немедленный выезд. Сама она по этому поводу предпочитает отмалчиваться. Но всем ясно - сейчас не до отъезда, сейчас важнее всего - Фонд.

Уже несколько раз агенты захватывали деньги, предназначенные для политзаключенных. Сейчас взялись за хранителей: Кронида Любарского не выпускают из Тарусы, угрожают арестом; Мальву Ланду вот-вот вышлют из Москвы; Ходорович - последний человек, ко-

торый хранит картотеку и деньги. Ее надо выбросить из страны. Такова догматическая логика Лубянки.

Нам нынешняя ситуация тоже кажется лишенной выбора. Не рисковать же Тане свободой, здоровьем, годами жизни. Она должна уехать. В конце концов, Фондом займутся другие, деньги перепрячут, вместо захваченной агентами картотеки составят новую.

В КГБ, конечно, понимают: отъезд в принципе ничего не изменит. Возня с диссидентами — дело затяжное, на годы. Высылка Ходорович всего лишь *очередная* операция. Затяжка их не расстраивает. Конечно, хорошо бы доложить начальству, что Фонд, связанный с именем ненавистного Солженицына, уничтожен, но еще более важно, чтобы начальство видело: КГБ при деле, КГБ работает, диссидентов много, борьба с ними дело трудное, ответственное, требующее поощрений и фондов /у них там тоже свои фонды.../ Итак, Тане надо ехать. Возникла ситуация: паровоз против человека. Должно ли человеку стоять на путях?

У Ходорович в большой комнате, где обычно проходят пресс-конференции, накрыт чайный стол. Гостей в этот вечер сравнительно немного. Мы сидим с Таней чуть поодаль от остальных и пишем друг другу записки. Такое занятие никого не шокирует: все знают, что каждое произнесенное тут слово подслушивается. Исходя из этого, выработан твердый ритуал: о себе, о своих делах и взглядах — говори сколько хочешь, но если собираешься упомянуть дела общественные, чужое имя, — возьми листок бумаги и пиши. Бумага и карандаши разложены по всей комнате. Мы с хозяйкой как раз толкуем о *чужих* делах. Надо спасти от разграбления оставшиеся общественные суммы.

Потом Таня показывает мне только что отпечатанный на машинке текст письма к президенту Картеру. Хранители Русского общественного Фонда помощи политзаключенным просят Картера спасти их детище. Узнаю Танину одержимость. Для нее Фонд — не очередная акция инакомыслящих. Христианское мышление всегда конкретно, всегда обращено к человеку, к личности. Христианка Ходорович видит в делах Фонда не хитросплетение политических узлов, а вполне конкретных маленьких детей, Петю или Витю, живущих в Киеве или в Воронеже, чей отец в тюрьме, а мать не в силах купить им ботинки. Фонд для нее не козырь в ратоборстве с безнравственной властью, а возможность купить билет на самолет для старой крестьянки, едущей в Сибирь повидать лагерника-сына. Ради этих вполне конкретных дел ходит она уже восемь лет по лезвию ножа, ради них пишет письмо президенту США; ради возможности помогать людям откажется, возможно, от спасительной для себя эмиграции.

Сколько ни вспоминаю, не могу припомнить другого случая, когда бы частные советские граждане по общественным вопросам обращались с письмом к главе другого государства. Ох, уж эта Таня!

— Похоже, что корреспондентов ожидает завтра сюрприз, — говорю я, возвращая письмо.
— Это будет настоящая сенсация!

— Корреспонденты... — Ходорович безнадежно машет рукой. — Они уже не обращают на наши слова никакого внимания. Даже Сахарова не слышат.

Я тоже думаю об этом в последнее время. Почему они так равнодушны? Математик Таня Великанова, человек ума строго рационального, видит причину охлаждения западных коррес-

пондентов к внутренним русским делам в том, что Запад слишком всерьез принимает разрядку. Желая поддержать усилия дипломатов, газеты Америки и Европы стараются писать об СССР помягче. Спрос на разоблачительные материалы из России в редакциях газет резко уменьшился, на Западе не хотят обострять отношения. Корреспонденты, аккредитованные в Москве, почуяли перемену конъюнктуры и отстраняются от диссидентских проблем. Из этой огорчительной ситуации атеистка Великанова делает тот же вывод, что и христианка Ходорович:

— Я ничего не хочу им навязывать. В конце концов, субъективно корреспонденты вполне честные и добросовестные парни.

У обеих Тань — беленькой и черненькой — большой опыт общения с прессой, и не мне с ними спорить. И насчет разрядки, очевидно, все правильно: дипломатическая болтовня последних лет несомненно размягчает и размагничивает западную прессу. Но вот не догадки, не теории, а живой голос самих аккредитованных, вот что я слышал от них собственными ушами.

... На Томаса Кента я обратил внимание во время одной из пресс-конференций. Этот худенький сутулый очкарик вел себя заметно активнее других репортеров: внимательно слушал выступления, стремительно черкал что-то в своем блокноте, лихо перебрасывая перо из правой руки в левую и назад. Он проявил интерес к моей работе и попросил давать ему для "Ассошиэйтед пресс" все новости, которые у меня появятся. Его русский язык вполне приличен и мне даже показалось, что, несмотря на молодость, он неплохо ориентируется в наших делах. Я пригласил его пообедать. В отличие от других корреспондентов, он не отказался. В ближайшую суббо-

ту приехал к нам домой в джинсовом дешевом костюмчике, без галстука, давая понять, что в этот день он — лицо неофициальное.

Американский юноша, который по возрасту вполне годился нам в сыновья, заинтересовал нас с женой. Оказалось, правда, что Томас не так юн, как нам показалось при первом взгляде на его девические губки сердечком. Губки эти вполне уравнивает твердый подбородок зрелого мужчины. В свои 27 этот парень из Кливленда уже перешагнул через несколько довольно высоких ступеней профессиональной лестницы: успел послужить в Штатах и в Австралии, стал сотрудником заграничного бюро одного из самых мощных агентств мира. И глаза, холодно-наблюдательные глаза вполне делового человека, явно противоречат утверждениям Томаса, что ко всякому бизнесу чувствует он себя совершенно непригодным. Но в общем, повторяю, он нам понравился: несомненно — личность.

В разгар беседы я спросил, не сможет ли он передать в Штаты мое письмо. Ничего особенного в письме этом не было, просто хотелось, минуя цензуру, сообщить друзьям о наших перипетиях в ОВИРе, о перспективах выезда. — "It is against our rules" — ответил он. — "Это не в наших правилах". Ну что ж, нет так нет. От других корреспондентов я уже слышал подобные ответы. В конце концов, кто я для них? Малоизвестный человек, совсем недавно появившийся на их горизонте. Другое дело знаменитые диссиденты — к тем они, естественно, относятся с большим доверием и большим чувством.

Эпизод с письмом дал начало нашему с Томасом разговору о журналистской профессии. Он сказал, что любит свою работу, но что ему почти все равно, где служить, в Австралии или в СССР. Здесь, правда, интереснее, но

новости, в общем, везде новости. Их главное качество — свежесть. Журналисту поэтому надо много и быстро работать. Я высказал мысль об особом положении и назначении иностранных корреспондентов в России. Там, где нет свободной прессы, где нет независимых от правительства партий, граждане могут выражать свои чаяния лишь благодаря иностранным журналистам. Самим своим существованием западная пресса не дает властям Советского Союза окончательно заморозить общественную мысль страны. В любой стране, — сказал я, — корреспондент — только собиратель и передатчик новостей. Но в России предпочтительнее переводить это слово с латинского "cor" — сердце и "respondeo" — отвечаю. Корреспондент в СССР это тот, кто откликается на события своим сердцем. Хочется надеяться, что диссидентские круги вызывают у аккредитованных в Москве западных корреспондентов особые чувства. Ведь по взглядам своим они — наиболее близки к демократическому образу мышления западного человека...

Томас слушал молча, как мне показалось даже с интересом. Потом сказал:

— Диссиденты для нас — не что иное, как лаборатория, в которой мы проверяем и уточняем перемены общественного климата.

Произнеся это, он с интересом поглядел на нас своими внимательными серо-зелеными глазами. Увидел нашу растерянность и остался доволен. Видимо, это его маленькая гордость — умение говорить людям в глаза жестокие истины. Моя обычно молчаливая жена не выдержала:

— Но ведь вы постоянно встречаетесь с ними, с Сахаровым и Великановой, с Ходорович, Григоренко, Турчиным, Орловым. Вы же видите, Томас, эти люди живут в постоянной опас-

ности, ведь они — герои. Герои и жертвы. Вы не находите этого? Что вы сами думаете о них?

Томас Кент задумался ровно на столько, чтобы мысленно перевести с английского не слишком часто употребляемое слово *rabbit*.

— Конечно, — сказал он, — никому не хочется оказаться подопытным кроликом. Но для нас, корреспондентов, назначение политической оппозиции в вашей стране в конечном счете сводится к экспериментальному наблюдению. Мы хотим знать, куда клонится стрелка политического барометра. И узнаем это.

Лиля осуждающе промолчала, а гость счел нужным добавить: — Не исключено, что наша объективность принесет больше пользы этим людям, нежели наши симпатии и сострадание к ним.

Нет, он решительно ничего не имел сказать о своем личном отношении к *этим людям*. В отличие от знаменитого физиолога академика Павлова, который хотя и погубил в эксперименте сотни собак, тем не менее любил этих животных, мистер Томас Кент, корреспондент Эй-Пи, показал нам, что между ним и объектом его наблюдения нет решительно никакой сентиментальной связи. И чтобы у его хозяев не оставалось на этот счет каких-либо иллюзий, юный гость, помешивая ложечкой чай, произнес последний из своих неотразимых афоризмов:

— Помогать кому-нибудь здесь, советовать кому-нибудь здесь — не наше дело. Мы здесь не для вас.

ПРЕЗИДЕНТУ США ДЖИММИ КАРТЕРУ

Глубокоуважаемый господин Президент!

Мы решили обратиться к Вам, ибо Ваши благородные и беспрецедентные заявления о правах человека в СССР позволяют нам надеяться на Ваше внимательное и действенное сочувствие, — за последние полгода мы убедились, что американский народ не остается равнодушным к ущемлению свободы, где бы оно ни происходило.

Официальные власти планомерно уничтожают Общественный Фонд помощи советским политическим заключенным и членам их семей, который был основан на Западе А.И.Солженицыным. Во время систематических обысков конфискуются списки уже репрессированных узников совести и распорядителям неимоверно трудно поддерживать нуждающихся... Горько и страшно наблюдать, как жертвования в Фонд от советских граждан — поначалу весьма ощутимые — резко сокращаются. Но еще страшнее то, что многие родственники осужденных, нередко испытывающие крайнюю нужду, отказываются от предлагаемой помощи, боясь, что их обвинят в преступной связи с антисоветскими зарубежными организациями или подвергнут изматывающей садистской травле...

Общественному Фонду помощи политзаключенным угрожает полный разгром. Сейчас Фонд не обеспечен ничем, кроме опасливого сочувствия одних и безоглядной самоотверженности других. А это значит, что он по существу беззащитен.

Мы призываем мировую общественность добиваться признания за Фондом легального статуса по нормам международного права и просим Вас, господин Президент, поддержать наш

призыв авторитетом руководителя великой державы. В подполье Фонду не выдержать, не выжить. Необходимо потребовать от Советского правительства, чтобы распорядителям Фонда хотя бы была предоставлена возможность получать из-за границы деньги по официально признанному курсу обмена доллара на рубль. Необходимо потребовать, чтобы нам дали право вести подробную отчетность и пересылать ее Директору Фонда. Необходимо потребовать, чтобы дело милосердия не приравнивали к уголовно наказуемым махинациям.

Господин Президент!.. Мы нуждаемся в Вашей поддержке, ибо без нее железный занавес снова опустится, а закрытые общества уже не раз приносили неисчислимы бедствия и своим народам и всему миру.

23 июня 1977 г.

Преемники Русского Общественного Фонда
помощи политзаключенным СССР

*Татьяна Ходорович
Мальва Ланда
Кронид Любарский*

"Марк Поповский-Пресс" 25 июня 1977 г.

МОСКВИЧИ О "ДЕЛЕ" РОБЕРТА ТОТА

Итак, аккредитованный в Москве корреспондент "Лос-Анджелес таймс" Роберт Тот, после пережитого им весьма неприятного приключения, вернулся в Штаты. Как известно, Р.Тот был задержан в момент, когда он получал от доктора Валерия Петухова рукопись научной статьи по парапсихологии. В дальнейшем со-

ветские власти официально утверждали, что американский журналист — шпион.

И коллеги Тота в Москве, и ученые, хорошо его знавшие, в беседе со мной заявили, что не верят в шпионскую деятельность корреспондента "Лос-Анджелес таймс". В Москве его запомнили как серьезного, трудолюбивого и подлинно интеллигентного человека, живо интересовавшегося проблемами современной науки. Однако москвичи считают, что поведение Тота во время допросов в Лефортовской тюрьме было неправильным. Его спрашивали не о парапсихологии и не о Петухове, а об Анатолии Щаранском, который находится сейчас в тюрьме и ожидает суда по обвинению в "измене родине". Этому предстоящему суду власти предадут большое значение, так как впервые за много лет статья 64 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающая расстрел, будет обращена против диссидента. Роберт Тот, как человек, не нарушавший законов, мог бы без всякой опасности для себя вообще не отвечать на вопросы, также и на вопросы касающиеся Анатолия Щаранского. Наконец, он проявил слабость, уступив настоянию сотрудников КГБ и подписав *русский текст* протокола, подлинный смысл которого он, как человек, не знающий языка, уловить, конечно, не мог. Теперь, по общему мнению, протокол этот будет использован против Щаранского.

Темной фигурой в этой истории долгое время оставался Валерий Петухов. Некоторые западные газеты называли его жертвой КГБ, хотя сам Тот не исключал, что Петухов — провокатор. Наше расследование подтверждает эту догадку. Тридцатисемилетний биофизик, доктор наук Петухов, окончил МГУ в 1963 году и вскоре затем вступил в партию. Это помогло ему успешно защитить кандидатскую диссертацию, а главное, получить в высшей степени

выгодную работу: в 1973 году его направили в Швейцарию в качестве сотрудника Всемирной организации здравоохранения /ВОЗ/. В организациях такого рода от Советского Союза работают исключительно люди, связанные с КГБ. Вернувшись из Швейцарии, Петухов защитил в 1974 году докторскую диссертацию, которую очень быстро утвердили. Научное значение трудов Петухова, по мнению биофизиков Москвы - ничтожно, но это не помешало ему получить руководство лабораторией в Государственном научно-исследовательском институте по стандартизации и контролю медицинских и биологических препаратов им. Тарасевича /ГИСК им. Тарасевича/.

Все эти явные знаки благоволения властей странным образом диссонировали с репутацией Петухова, как "левого", и даже "диссидента". Он действительно был знаком с некоторыми протестовавшими московскими интеллигентами, и в том числе со Щаранским. Часто видели Валерия Петухова и среди парапсихологов. Эта категория исследователей вынуждена в нашей стране скрывать свою деятельность, так как несмотря на то, что курс парапсихологии читается для работников КГБ, официально считается, что передача мыслей на расстоянии и другие подобные феномены есть не что иное, как смесь жульничества и безграмотности. Статьи и книги по парапсихологии в СССР не издаются, и тому, кто желает заниматься этой наукой, приходится работать так, чтобы не привлекать излишнего внимания властей. Сообщив Роберту Тоту, что он может принести ему статью по парапсихологии, написанную на советском материале, Петухов, естественно, привлек интерес американского журналиста, так как подобные материалы редко попадают на Запад.

После того, как Тот был задержан, Валерий Петухов четыре дня также находился в недрах

КГБ. Затем он вернулся к себе в институт и там стало известно, что в ближайшие дни предстоит открытое партийное собрание, на котором Петухова осудят, после чего дирекция предложит ему уйти с работы. Собрание это так никогда и не состоялось. Директора института срочно вызвали к заместителю министра здравоохранения СССР Бургасову. Бургасов запретил преследовать Петухова и даже потребовал, чтобы в институте его отметили, ибо "Петухов помог ораганам КГБ разоблачить матерого разведчика одной из империалистических держав". Вскоре после беседы в Минздраве СССР, 19 июня 1977 года в День медицинского работника на доске объявлений института им. Тарасевича появился приказ директора, в котором доктору Петухову "за хорошую работу" объявлена была благодарность.

Итак, все говорит за то, что Петухов - давний агент КГБ - был использован для специально разработанной провокации против американского корреспондента. Цель провокации состояла очевидно в том, чтобы получить материалы против Щаранского, которого теперь будут обвинять в передаче "государственных секретов" Роберту Тоту. Другой аспект "дела" Тота - политический, международный. Сообщения об "американском шпионе" появились как раз в тот момент, когда в Белграде началось обсуждение не очень-то приятных для Советского Союза аспектов Хельсинкских соглашений. Задержав корреспондента США и обвинив его в шпионаже, советские власти пытались накалить международную обстановку для того, чтобы придать большую весомость своей неуступчивой позиции в Белграде.

Для москвичей в этом эпизоде есть еще один важный аспект. Их интересует, исчерпаны ли функции Валерия Петухова, как агента КГБ, или его и впредь станут засылать в группы инакомыслящих для очередных провокаций.

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА РАЗРЯДКИ...

Берусь утверждать: для аккредитованных в Москве западных корреспондентов провокация КГБ против Роберта Тота была главной новостью июня 1977 года. Именно она, а не проект новой конституции СССР и не совещание по проверке выполнения Хельсинкских соглашений в Белграде. "Дело Тота" стало их личным делом, оно прозвучало как угроза их материальному благополучию, их служебному и общественному положению. Никто так облегченно не вздохнул после отъезда корреспондента "Лос-Анджелес таймс" из Москвы, как его коллеги. Потому что каждый из них ощутил: это могло случиться и с ним. Кое-кто пробовал шутить: "Тоту повезло: увидел КГБ изнутри; будет теперь долго описывать допросы в Лефортово". Но большинству репортеров было не до шуток. Томас Кент с обычной своей серьезностью заметил в те дни: "У нас в бюро на столе лежит Уголовный кодекс РСФСР. Мы постоянно читаем его, чтобы не нарушить как-нибудь ваших законов". Когда я говорил, что никакое законопослушание не может спасти от специально планируемых государством провокаций, мои собеседники пугливо умолкали. Эта мысль приводила их в смятение. Я ни разу не слышал чтобы эпопея с Тотом вызвала у кого-нибудь из них слова негодования. Но заметил: оставшиеся в Москве репортеры любое событие стали рассматривать через призму пережитого волнения. К сожалению даже мой милый Рейни.

Среди столичных корреспондентов тридцатилетний Рейнгард Майер из "Нойе Цурхер цайтунг", пожалуй, самый близкий мне человек. После года знакомства мы как-то незаметно перешли с ним на "ты". У Рейни легкий, жизнерадостный характер, быстрая реакция и крайне редкое среди иностранцев умение по-

нимать русский юмор. Мы нередко спорим с ним, но всегда дружелюбно. Язык не поворачивается сказать что-нибудь обидное или резкое человеку с лицом красивой девочки. Кажется, он ко мне относится тоже не плохо. Во всяком случае, пригласил участвовать в съёмках телефильма о жизни корреспондента Р.Майера в Москве, в съёмках, которые проводило швейцарское телевидение. Перед телевизионной камерой мы продолжили с Рейни один из наших вечных споров о России. Не знаю, вошел ли этот спор в фильм; мне запомнилось лишь изумленное восклицание швейцарского оператора во время уличных съёмок: "Странно, куда ни поверну камеру, в каждый кадр попадает милиционер, а иногда и двое...

После "дела Тота" Рейни заметно поскучнел. "Ваши люди все время стараются нас использовать", - сердито сказал он мне во время одной из встреч на Кутузовском проспекте. Оказывается Рейнгарду досаждают звонки москвичей. Не менее трех-четырех таких звонков, по его словам, раздаётся в бюро каждый день. "Всем что-то надо от меня. Находятся субъекты, которые просят даже, чтобы я покупал для них товары в валютном магазине". Я попытался пошутить над его новой ролью торгового агента, но Рейни шутку не принял. Он был раздражен, или скорее пытался убедить в этом самого себя.

- Но ведь не все же русские говорят с тобой по телефону только о тряпках? - спросил я.

- Признайся, большинство из них все-таки обращается к тебе за помощью как к представителю западной прессы. Не так ли?

- У меня не хватает сил и дружелюбия на всех, - огрызнулся Рейнгард. - Слишком много просителей. И потом, не исключено, что среди них... Ты же знаешь про "дело Тота"?..

Ему очень хотелось, чтобы я сказал: "Поменьше встречайся с русскими, среди них много провокаторов". Но я-то знал, что среди тех кто, стоя в телефонной будке, с риском для себя, набирают номер иностранца, есть не только жучки и фарцовщики, но и обиженные, несчастные люди. Для них такой звонок — последнее, героическое средство. Одни из них мечтают эмигрировать на Запад, другие ищут за границей близких. Раньше Рейни не видел в них злоумышленников. Но теперь в его душ заполз страх.

— Нет, нет, — капризно повторяет он, — никакого страха, просто я проявляю мудрую осторожность. А вы, все вы, хотите от нас поступков, которые мы не должны, не можем, не обязаны совершать! Его лицо перекашивается настоящим отчаянием, отчаянием ребенка, который ударился о стул и видит в этом стуле своего заклятого врага. — Вот и диссиденты тоже... Они хотят, чтобы я каждый день писал, что в Калуге, в Одессе или еще где-то там арестовывают, избивают, сажают психиатрические больницы. Людям на Западе это надоело. Они имеют право получить из Советского Союза и более приятные новости.

В тот день я с грустью расстаюсь со своим приятелем. Собственно, никаких претензий у меня к нему не было. Он родился и прожил свой век в стране, где личная безопасность так же естественна, как воздух и солнце. Позади у Рейни Майера двадцать поколений побитых, не унижаемых, не оокорбляемых предков. Откуда же ему знать, как вести себя в государстве, которое планирует массовый страх и замысливает провокации? Конечно, о слышал про советские тюрьмы и лагеря, про закрытые процессы над политическими. Даже писал об этом. Но теперь ему представляется лучшим притихнуть, не раздражать русское начальство. Почему бы, например, не послат

в свою газету статью о том, как в СССР заботятся о старых людях?..

"Марк Поповский-Пресс" 26 июня 1977 г.

ИНТЕРВЬЮ С МОСКОВСКИМ ПИСАТЕЛЕМ
ГЕОРГИЕМ ВЛАДИМОВЫМ

Историю лагерного пса, служившего в охране, героя повести Георгия Владимова "Верный Руслан", скоро узнает весь читающий мир. Появившись в 1975 году в русском журнале "Грани" во Франкфурте-на-Майне, эта повесть трижды после того вышла на русском языке, переведена на немецкий, итальянский, норвежский и шведский. Готовятся ее издания на французском, английском, испанском, датском, греческом.

Георгий Владимов широко известен как литературный критик и прозаик. Его первая повесть "Большая руда" издана во многих странах Восточной и Западной Европы, в США была выпущена издательством "Бантам" в 1965 году в антологии "Четыре советских шедевра". Наиболее крупное произведение - роман "Три минуты молчания" - издан отдельной книгой в СССР в 1976 году, но уже успел появиться в переводах в Польше, Венгрии, дважды - в Чехословакии, скоро будет выпущен парижским издательством "Галлимар".

Владимов живет и работает в Москве, он член Союза писателей СССР⁺ и французской секции

⁺ 10 октября 1977 Георгий Владимов послал в Союз писателей письмо с отказом оставаться его членом /см. "Посев" № 11, 1977/. - Р е д.

Международного ПЕН-клуба. При всей очевидности его таланта, несомненном успехе его книг, его литературная судьба складывается необычно, порою загадочно даже для людей, знающих его, как я, многие годы. Естественно поэтому мое любопытство и те вопросы, которые я ему задаю.

Вопрос: Я знаю вас как писателя остро социального, демократического склада, ваша гражданская позиция не оставляет сомнений. В свое время вы протестовали против суда над Синявским и Даниэлем, поддерживали Солженицына, вместе с академиком Сахаровым добивались амнистии политическим заключенным. По-видимому Хельсинкские соглашения в части человеческих прав и свобод касаются и вас лично. Многого ли вы ждете в этой связи от новой, белградской, встречи глав европейских правительств?

Ответ: Мы должны не только ждать этой встречи, но активно к ней готовиться. Любой маленький шаг к свободе, протест против насилия, против подавления наших неотъемлемых прав разрушают заговор "единодушного одобрения", которое стараются нам навязать. Новая Конституция СССР, к сожалению, не вобрала в себя многого, что заявлено в Хельсинкских соглашениях, в Декларации прав человека, подписанной — не станем забывать — и Советским Союзом. Нам не гарантируют свободы инакомыслия, беспрепятственного обмена информацией, свободы выезда, эмиграции и возвращения в свою страну. Без этого современное общество нормально развиваться не может, его духовная жизнь намеренно подавлена и извращена. Невозможна и настоящая литература — как служение правде, а не забаве и оглуплению читателя. Впрочем мы имеем дело пока лишь с проектом Конституции, еще есть время внести коррективы. Но было бы наивным думать, что эти коррективы в ре-

зультате белградской встречи появятся в тексте как сами собою разумеющиеся, что правители других стран добьются этого без участия каждого из нас. Запад не обязан отстаивать наши права, если мы сами о них не заботимся.

Вопрос: Ваша повесть "Большая руда" вышла отдельной книгой в 1962 году, роман "Три минуты молчания" - только в 1976, спустя 14 лет. "Верного Руслана" вообще не напечатали в Советском Союзе. Его неожиданное появление на Западе многих наталкивает на мысль, что и вы из тех писателей, у которых больше написано, чем напечатано. Но ведь это значит, мы годами таимся от читателя, не в силах к нему прорваться, скрываем ту правду, которую сами постигли и которой жаждем поделиться.

Ответ: Да, семь лет пришлось добиваться, чтобы издательство отважилось выпустить "Три минуты молчания" - книгу, которая появилась в журнальном варианте в "Новом мире" А.Твардовского еще в 69-м году. Но и через семь лет не удалось преодолеть малоразумные требования цензуры, избежать вынужденных исправлений и купюр. Истинный и окончательный текст выйдет только на Западе. Мне всегда казалось, что слово, сказанное на родине, стоит десятков и сотен, произнесенных за рубежом. Опыт с "Верным Русланом" меня переубедил. Крупнейшие радиостанции - Би-Би-Си, "Немецкая волна", "Свобода" - по несколько вечеров передавали повесть, говорили о ней, и по крайней мере наиболее интересные главы услышаны миллионами слушателей. Хоть и в малом числе, приходят в СССР экземпляры книги, их размножают, передают из рук в руки. Слово писателя таким образом прорывает дыры в "железном занавесе", достигает тех, кто желает слышать. И значит путей правды действительно никому не перегородить.

Вопрос: Георгий Николаевич, жизнь писателя находящегося в России и издающегося за рубежом связана, как Вы хорошо знаете, с преследованиями, травлей, материальными трудностями. Не случайно десятки наших коллег, которых здесь годами не публиковали, предпочли эмиграцию. Как видится Вам Ваше литературное будущее?

Ответ: Наша работа и жизнь действительно крайне трудны, но ведь и само писательство — одна из труднейших на земле профессий. Я не предвижу новой "оттепели", скорее налицо признаки похолодания. Но именно поэтому я не вижу нужды себя как художника ущемлять, насиловать, приспособляясь к советским литературным стандартам. Разумеется жизнь писателя в эмиграции свободнее, раскованней, он больше успеет сделать. Но и тот, кто остается здесь, живет одной жизнью с народом, тоже имеет преимущество — он непрерывно черпает из этой жизни идеи, образы, он пользуется большим вниманием читателя, знающего, что автор разделяет с ним все невзгоды.

СУД: ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПРОТИВ ТЮРЬМЫ

Среди потока июньских новостей одно известие показалось мне поначалу настолько недостоверным, что я воздержался от его публикации. Ну кто действительно поверит, что советский политзаключенный, едва выйдя на свободу, смог обжаловать действия тюремной администрации и... выиграл дело? По советским законам такое разбирательство возможно /статья 231 УПК РСФСР/, но советский образ жизни до сих пор начисто исключал такие процессы. Подать в суд на офицеров МВД, совершающих беззакония при исполнении ими

своих служебных обязанностей, пытались многие заключенные Пермских лагерей и Владимирской тюрьмы. За пять лет /1972-1977 гг./ таких попыток было сделано более ста, но судьи неизменно отказывались принимать жалобы. "Любые действия офицеров МВД, совершенные ими при исполнении служебных обязанностей, суду не подведомственны и могут быть обжалованы только высшему начальству" - записала в определении по одному из таких исков судья Ребенкова, председатель постоянной сессии Zubovo-Polyanskogo народного суда в Мордовии. Никакие жалобы и протесты против этого незаконного решения не помогали. И вот произошло невероятное...

Днем 24 июня 1977 года Фрунзенский районный народный суд в г. Владимире /судья С.В.Дмитриева/ приступил к слушанию дела бывшего политзаключенного Кронида Любарского против Владимирской тюрьмы. Кандидат физико-математических наук Любарский провел пять лет в лагерях и во Владимирской тюрьме. Готовясь покинуть свою камеру в январе 1977 года, он почтой /через администрацию тюрьмы/ отослал жене более ста принадлежащих ему книг. Книжки дошли, но в каком виде! У одних томов тюремщики отодрали корешки, у других ножом крест-накрест исполосовали переплеты. Некоторые тома оказались и вовсе без переплетов. Отвечая на вопрос судьи, зачем в тюрьме портили книги, заместитель начальника тюрьмы майор Соколов ответил, что администрация действовала по закону. Свидетели капитан Дойников /инспектор по политработе, куратор заключенных/ и Н.Митюкова /тюремный цензор/ сетовали на то, что политзаключенные Владимирской тюрьмы предают гласности происходящее в ее стенах, выносят из тюрьмы письма и заявления с описанием тюремных событий и публикуют на Западе целые сборники. Судья пыталась прервать капитана Дойникова, заявив, что "у нас нет политических заключен-

ных", но, в горячке, позабыв о штампах советской пропаганды, капитан признал, что, увы, политзаключенные у нас есть.

На вопрос судьи, какой закон позволяет работникам тюрьмы взрезать книги принадлежащие заключенным, майор Соколов сослался на секретную инструкцию. Заседание было прервано, судья потребовала, чтобы ей принесли инструкцию. Зачитанный в отсутствие свидетелей /Любарский как истец в зале остался/ документ этот никак не оправдал тюремное начальство. В нем говорилось лишь о праве администрации тюрьмы вспарывать подозрительные места одежды заключенных, а также прокалывать шилом приносимые в тюрьму мыло и хлеб.

Выступая на суде Кронид Любарский сказал: "Мне сейчас важна вовсе не сумма иска, а принципиальная сторона дела: необходимо прецедентно зафиксировать право заключенных апеллировать к суду. Мне важна также воспитательная сторона дела: тюремные власти должны знать, что они не освобождены от соблюдения закона..." Любарский рассказал о варварских методах цензуры, применяемых в тюрьме не только в отношении книг, но и писем заключенных. Он выразил надежду, что этот процесс принудит администрацию тюрьмы относиться с уважением к книге, к печатному слову вообще.

Настроение суда, поначалу относившегося к истцу враждебно, по мере выяснения обстоятельств, все более склонялось к осуждению методов тюремной цензуры. Судья Дмитриева не обратила никакого внимания на заявление цензора Митюковой, что "книги изрезал сам Любарский", и даже пригрозила свидетелям со стороны тюрьмы, что удалит их из зала суда, если они не прекратят выкриков по адресу Любарского.

Слушанье продолжалось семь часов. Суд признал действия администрации Владимирской тюрьмы неправомерными и взыскал с тюрьмы разницу в стоимости книг до и после их повреждения. К сожалению, ни самому истцу, ни нам не удалось своими глазами прочитать это уникальное Определение районного народного суда. Несмотря на настойчивые требования К.Любарского, копию решения ему из Владимира не выслали. Очевидно, этот первый и пока единственный случай торжества правосудия обеспокоил широкие массы тюремщиков и сделано все, чтобы постыдный для них документ не попал в печать. Но, как заметил еще полторы тысячи лет назад философ Феогнид: "То, что случилось уже нельзя неслучившимся сделать..."

"Марк Поповский-Пресс" 26 июня 1977 г.

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ И АНАТОЛЬ ФРАНС - РАЗОБЛАЧЕНЫ!

Следует ли считать справедливым проведенный в 1894 году процесс над капитаном французской армии евреем Дрейфусом? Надо ли было судить киевского еврея Бейлиса в 1913 году по обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика? Казалось, что история уже вынесла окончательный приговор по этим делам. Устами Анатоля Франса, Эмиля Золя и русского писателя Владимира Короленко мир заклеил эти процессы как откровенно шовинистические и антисемитские.

В СССР официальная партийная позиция по отношению к делам Бейлиса и Дрейфуса до недавнего времени как будто не отличалась от принятой во всем мире. "Расправа над Дрейфусом, - говорится в Малой Советской энциклопедии /том III/, - была использована ре-

акционными кругами для разжигания антисемитизма и послужила исходной точкой для наступления против республиканского режима и демократических свобод". В томе I-м той же Энциклопедии значится: "Дело Бейлиса было одним из актов шовинистической политики царизма".

Ныне, однако, эти взгляды подвергаются в Советском Союзе пересмотру. В только что поступившем в продажу номере журнала "Человек и закон" /№ 6, 1977 г./ опубликована статья "Дело Штерна и кампания клеветы", комментирующая историю уголовного процесса над врачом Михаилом Штерном. Как известно, доктор Штерн из города Винница был приговорен к семи годам лагерей после того, как разрешил своим сыновьям уехать в государство Израиль. Среди прочего автор статьи пишет:

"Сионистская пропаганда пытается приравнять дело Штерна к одиозным делам Дрейфуса и Бейлиса, закрепленным в мировом общественном мнении в выгодной для сионистов трактовке, проводит между этими процессами спекулятивные и ложные параллели".

Итак, "Я обвиняю" Золя, протесты Франса, речи социалиста Жореса, негодование тысяч честных людей Франции и России против несправедливых процессов над Дрейфусом и Бейлисом не что иное, как деятельность агентов сионизма! Для какой цели понадобились подобные исторические изыскания? Как известно, под давлением мирового общественного мнения доктор Штерн был досрочно освобожден. Тем самым советские власти косвенно признали незаконный характер его осуждения. Однако в целом антидемократические тенденции и государственственный антисемитизм в СССР вовсе не собираются уступать своих позиций. Новые исторические открытия журнала "Чело-

век и закон" /орган Министерства юстиции СССР/ со всей очевидностью дают понять советским юристам всех рангов, что организовывать антисемитские судебные процессы впредь не возбраняется.

ЮРОДИВЫЕ НА РУСИ

Говорят, лет семьдесят назад вышла в Петербурге книжка с таким названием[†]. Мне она не попала. Но вот что пришло мне на ум в конце нынешнего июня.

Наиболее привычно нам представлять себе юродивого так, как изобразил его Суриков на картине "Боярыня Морозова" или Пушкин в "Борисе Годунове". Энциклопедический словарь /1955/ слово *юродивый* определяет как "аскет-безумец, обладающий, по представлению верующих, даром прорицания". Определение не точное. Если свериться с пушкинским образом, возникает несколько иное лицо. Аскет? Да. Нищета юрода прежде всего от его аскетизма. Ему ничего не надо. Безумец? Пушкинский Николка никаких безумных речей не произносит. И пустого не говорит. Кричит о том, что все собравшиеся на Красной площади знают, но о чем никто не решается сказать вслух. Юрод кричит о давнем злодеянии Бориса Годунова. Это то, что люди хотят услышать. В суриковском юроде, с точки зрения окружающих, тоже

[†] По-видимому речь идет об очерке известного русского публициста и этнографа И.Г.Прыжова /1827-1885/ о юродивых на Руси, вошедшего позднее в сборн. избр. соч. Прыжова "Очерки, статьи, письма" М.-Л. 1934. - Р е д.

нет ничего безумного: он приветствует боярыню-раскольницу запретным двоеперстием. Судя по лицам, изображенным на картине, многие хотели бы сделать то же самое, но боятся. Юродивый как бы поднимает свое двоеперстие за всех. Своим жестом он приносит толпе на правой половине картины моральное удовлетворение. Оба юродивых - пушкинский и суриковский - запечатлены в миг, когда они выражают чаяния народа, являются совестью окружающей их толпы.

Тут не безумие, а некое детское восприятие мира без страха и чинопочитания, которое принимают в народе за убожество. Потому что возвысить голос в российской безгласности может только неразумный ребенок, убогий, косноязычный. У кого и отнять нечего, которого и понять-то нелегко. Русских людей образ этот странный не удивляет, не отталкивает, а, наоборот, привлекает. Люди прислушиваются к лопотанию юродивого и различают в нем пророчество, прорицание, разоблачение. Юрода уважают, более того, чтут. Ведь всякого другого бы за такие слова - на дыбу, а этому ничего. Не иначе - Бог его устами глаголет...

Пушкин первый понял: юрод в тряпье такое же историческое лицо, как и царь Борис в своих бармах. Они оба - две нерасторжимые стороны жестокого российского бытия. Самодержавная власть веками терзает и мучает своих подданных, будучи уверена, что жертва останется безгласной /время от времени, правда, Русь бунтует, но с бунтами у нас знают, как справляться/. Всеобщее обязательное молчание - главное условие нормальной жизни в стране. Так оно и ведется. Но время от времени, все претерпев, жертва оборачивается юродивым и начинает косноязычно кричать в лицо мучителю своему, нет, не проклятия, не угрозы, а только слова правды, напоминание

о совести. Практического смысла в этом крике — никакого, злодеев словами не уймешь. Но люди уже тому рады, что при полной государственной тишине хоть кто-то промолвил слово протеста.

Юродство на Руси — эхо самодержавия, его уродливый, странный отпечаток. Энциклопедический словарь 1955 года дает понять, что *юродивые* — обитали лишь в далеком историческом прошлом. А между тем, голос их в России никогда не умолкал. Ибо не менялся характер государственной власти, не слабел ее гнет. Прорицания Юрода слышались на всех роковых переломах нашей истории, всякий раз, как особенно страшно, невыносимо становилось русскому человеку у себя дома: при Иване Грозном и в Смутное время, при Петре и Екатерине; слышали его потом при нашествии Бонапарта, вещал Юрод на базарах и вокзалах в японскую войну перед первой революцией и в германскую перед второй.

По внешности юродивые нового времени уже не походят на своих пращуров из XVI столетия. Носят чистую одежду, знают грамоту. Есть среди них даже неверующие. Но назначение их историческое осталось то же. Должен же кто-то кричать о совести! И не для того вовсе, чтобы совершенствовать тысячелетний российский порядок, не для того, чтобы изменять как-то бездарную, стеснительную для всех российскую систему. А только ради странного сугубо русского куража: "Ты меня как хочешь мордуй, а я свое слово все равно скажу..."

В 1918 году, на пороге кровавой гражданской войны, пророчествовал в Троице-Сергиевой лавре один такой "аскет-безумец с даром прорицания". Голодая и бедствуя, странным языком толковал о надвигающемся большевистском потоке. Никто его толком не слышал. Только через десятки лет открылось людям

тогдашнее его прорицание. Звали юродивого Василий Васильевич Розанов. Был он русским литератором и философом, верующим человеком. За следующие шестьдесят лет на родине не издали и не напечатали ни одной его строки.

Как и предсказывал Розанов /а был он в своих предсказаниях не одинок/, пришли времена апокалипсические. Под солнцем сталинской конституции уже не осталось ни глашатаев, ни слушателей. Идеальная возникла тишина, прерываемая только музыкой Дунаевского да аплодисментами, переходящими в овацию. И вдруг новый, ни на кого не похожий голос послышался. Это - писатель Андрей Платонов, хоть и не на площади, но вполне внятно, хотя и странным языком, но вполне разумным, заговорил про какой-то Котлован, где копаются, надрываясь и погибая, неизвестно зачем русские люди; о мертвеющих от голода русских деревнях. Прочитав одну из рукописей Платонова, Сталин начертал на полях: "Сволочь!" Но не убил. Явственно различил вождь: перед ним юродивый. Сталин запросто уничтожал вернейших из верных - Авербаха, Киршона, Бруно-Ясенского. А Платонов остался жив и на свободе. В нищете, в убожестве прожил он свой век, дворником работал при Доме Герцена. Но умер все-таки в собственной постели. Признать "Котлован" за слепок советской действительности вождь не пожелал. Только юродивый мог написать "Чевенгур", только убогий мог сочинить повесть "Впрок".

Та же судьба была и у другого юрода нашего времени, у Михаила Булгакова. В пору, когда за образец литературный предлагался "Хлеб" Алексея Толстого, Булгаков лопотал непонятное, счастливому советскому народу с дурацким смехом рассказывал о каких-то ужасах, о страшной чертовщине. Оставлен без хлеба,

без возможности издаваться, но пощажен - нельзя же всерьез было признать "Мастера и Маргариту" произведением, достойным дискуссии. Юродство одно. А юродов власти обходят, как дикие звери костер, - молча, лишь слегка раздраженно пофыркивая.

Эту особенность самодержцев хорошо знал и другой великий юрод российский, граф Лев Николаевич Толстой. Шагая босым по пашне, швыряя царям в лицо самые страшные обвинения, он знал: лично с ним ничего дурного не случится. И действительно: когда Александру III посоветовали арестовать Толстого, царь ответил, что *этого* удовольствия он графу не доставит. За позор почитал для себя самодержец услышать и понять, что именно бормочет его юродивый подданный. Известно, как безжалостно хлестал "юродствующего во Христе" Толстого Ленин. Придя к власти, партия его перестреляла тысячи толстовцев, не желавших, в соответствии со своими взглядами, служить в Красной армии и тысячи других - безо всякой причины. Но с уверенностью можно сказать: на самого Льва Толстого большевики руку не подняли бы. Русский тиран всегда предпочтет прослыть благодетелем великого писателя, нежели гонителем юродивого[†].

Такова судьба юродствующих на Руси. Нелегко крест и не многим дано его поднять. Академик Андрей Сахаров - один из самых замечательных юродивых России нового времени. Не станем касаться его ученых заслуг, его ор-

[†] Раз только убили в России действительно великого юрода - протопопа Аввакума. Но сколько же лет с ним возились, сколько обиды натерпелись от него царь и Патриарх Никон! Воюя "единой буквы ради", не пожалел он ни себя, ни своих гонителей.

денов и званий. Не в них дело. Дело в его натуре и мало у нас изменившейся за четверста лет системе отношений между властью и гражданином. Мы, правда, научились пропускать мимо ушей гул речей, произносимых на собраниях и треск газетных заголовков. Научились браниться сквернейшим образом на улицах, в магазинах и в поездах. А в остальном мы все те же: безропотно тянем свою лямку, дрожим за свою шкуру и ждем, чтобы Бог послал нам праведника посмелее, чтобы тот прокричал за нас насчет правды-матки. Андрей Сахаров и есть тот самый праведник. Речи и выступления его повторять здесь нет смысла. Кто хотел, тот речи эти /кстати сказать, произносимые довольно косноязычно/ слышал. Но главное не в этих интервью и меморандумах, а в его поступках. Поступки же эти по прямой линии восходят к поведению героев Пушкина и Сурикова.

Каждый год, 5 декабря, в определенный час, возникает у памятника Пушкину в Москве небольшая толпа. Мороз ли, снег ли — люди снимают шапки и сколько-то времени стоят с обнаженной головой. Над русыми, черными и седыми шевелюрами возносится в этот час лысая, горбушкой, голова Сахарова. Должно все это молчаливое действие объяснить государственным властям, что следует им помнить и почитать Сталинскую конституцию, каковая есть основным закон страны, обещающий гражданам свободу слова, собраний, совести и еще чего-то. О том, что конституция — пустая бумажка, статьи которой за сорок лет никто не исполнял и не собирается исполнять Сахаров знает не хуже нас с вами. Но он считает, что это их дело. Его же дело стоять на морозе без шапки. Ибо стояние это такой же нравственный символ, как и вопль Николки на Красной площади и двуперстие сидящего на снегу суриковского юрода. Дескать, знаем, все про вас знаем, цари зем-

ные, но и вы знайте, что мы знаем... Иными словами напоминает Андрей Сахаров властям о *совести*. Кремлевским хозяевам, естественно, не до того. Милиционеры же делают свое дело: хватают тех, что помельче ростом, выворачивают руки, швыряют в машины, увозят. Его не трогают - юродивый.

Или другое действие, в том же роде. Кого-то судят за неположенные взгляды, за чтение неразрешенных книжек. Суд над политическими, как и полагается на Руси, - тайный. Но Сахаров рядом, на улице. Стоит у закрытых дверей, на ветру, под дождем или под снегом и монотонно, не озлобляясь, не раздражаясь, часами повторяет милиционерам: "Впустите меня в зал. Я трижды Герой социалистического труда, академик..." Милиционеры лупят глаза на три золотые звезды на груди странного субъекта и нервничают: пускать его не велено, но ведь и не пускать совестно, вон какой человечине, говорят, водородную бомбу изобрел...

Российский юродивый - не актер, не шут, юродство для него не преднамеренная игра. Это его природный образ жизни. Я несколько раз бывал у Сахаровых на кухне. В тесной двухкомнатной квартирке прославленного академика, лауреата и героя, где живут семь человек /четыре поколения!/, кухня единственное место, где посторонний может побеседовать с хозяевами. Западные корреспонденты неоднократно описали скромность этого жилища, простоту трапезы и одежды академика, объясняя все это давлением, которое производят на Сахарова власти. Ему не дают квартиру, мешают обменять жилье и т.д. Это верно, но лишь наполовину. В самом же деле здесь, на седьмом этаже современного дома с газом, ванной, электричеством и телефоном, живет юрод, аскет, прорицатель, которому

надо не больше, чем Николке из "Бориса Годунова".

Я пытался расспрашивать Андрея Дмитриевича о его жизни. Он не любит говорить об этом. Написанное им эссе, нечто вроде автобиографии, клочковато, не дает представления об эволюции личности. А без эволюции не видно и тенденции. Куда он идет? Чего хочет? Каковы его идеалы? В каждом отдельном случае — все ясно. Сахаров хочет, чтобы суд над Мустафой Джемилевым был открытым, честным, законным. Чтобы математиков Чудновских, избитых недавно в Киеве, выпустили в Израиль, как они об этом просят. Чтобы в лагерях иад людьми не издевались и чтобы на воле люди не чувствовали себя, как в лагере. Но в целом из его пожеланий и требований не удается вывести никакого вектора. Юроды — не мыслители и не философы. Они — голос сего дня

Западные корреспонденты спрашивают Андрея Сахарова: "Чего вы добиваетесь? Политических преобразований? Перемены правительства? Появления в СССР новых партий?" — "Нет, — отвечает он, — мы стремимся не к свержению власти, а к справедливости. Мы требуем торжества законности и подлинной свободы". Корреспонденты пожимают плечами. Странно... Непонятно...

Одни из аккредитованных в Москве жаловался мне в частной беседе: "Во всем мире вожди оппозиции не только призывают к переменеам, но и объясняют обществу, как по их мнению следует достичь желанной цели. В Родезии черные националисты Ситоле и Музарева говорят своим единомышленникам: "Отнимем власть у белого меньшинства, разделим министерские портфели между черными и народ наш станет счастливым". Можно не соглашаться с вождями черного большинства, но их позиция ясна. Когда Арафат говорит: "Сбросим

израильтян в Средиземное море и - слава Аллаху - все проблемы палестинцев будут разрешены", мы знаем, что он не прав, однако его точка зрения выражена четко. Но когда Сахаров говорит о справедливости и законности, я не понимаю, чего он хочет. Может быть, он шутит? Или скрывает свои мысли?"

Европейским или американским корреспондентам с их совсем иным историческим опытом, действительно трудно нас понять. Они рассуждают как тот француз: "Вам не нравится ваше правительство? Ну так сбросьте его! Что у вас мужчин нет, что ли?" У нас нет мужчин. Ибо наши мужчины негодуют только перед объявлением "*Пива нет*". Ни на что другое их не хватает. А главное, при существующем у нас порядке, нравственном и социальном, никого и ничего сбросить нельзя. Как нельзя сбросить с себя рассеянный склероз, наследственный сифилис или рак печени. В связи с этим в обозримом историческом пространстве перемен у нас не предвидится. Разговаривая с корреспондентами, Сахаров не шутил и не скрывал от них своих планов. Дело обстоит даже хуже, чем они себе представляют: планов нет. И цели - тоже. Порядочному человеку в советской России остается делать только то, что делает Сахаров: протестовать, зная, что протест бесполезен. Самого академика при этом спасает его высокая судьба, другие платятся за те же действия тюрьмой и психушкой. Еще можно у нас эмигрировать. Еще можно молиться и надеяться на милость Его. Других альтернатив у нас нет. Ставка на либеральных чиновников, которые что-то когда-то поймут, такая же иллюзия, как оппозиция демократической интеллигенции, которая уже что-то поняла. Сахаров достаточно мудр, чтобы не мнить себя вождем оппозиции. Он сам по себе. "Нравственно гениальный человек" /по определению Лидии Чуковской/, он делает только то, чего

не делать не может. Он адекватен своей душевной конструкции. Он - юрод. Он - совесть России конца ХХ столетия.

О т р е д а к ц и и

Изложение автором его теории о юродивых весьма красочно и увлекательно. Его горькие слова в адрес российской действительности, прошлой и нынешней, во многом справедливы. Однако в своем видении российской истории, российского развития, он подвержен непонятной слепоте - то ли не видит, то ли не хочет видеть, - поскольку тогда построение рухнет, - тех благотворных изменений общественного строя России, которым начало было положено в царствование Александра II и которые не на ровном месте возникали, а корни свои имели в прошлом. И хотя были в этом прошлом и уродства и злодеяния, отнюдь все же не большие, чем в жизни наших западных соседей тех же эпох. В этом невидении положительных сторон нашей истории и коренится мрачный пессимизм автора, не оставляющий и проблеска надежды ни для нашей страны, ни для нашего народа.

Катастрофа октября 1917 года, несомненно, была связана с теневыми сторонами тогдашней общественной обстановки и не может быть объяснена только "чуждыми влияниями", как и катастрофа, например, 1933 года в Германии. Но глубоко ошибочно видеть эти катастрофы исторически укорененным, закономерным развитием.

Что касается де Кюстина, которого автор считает "умницей-французом", то он - прародитель всех современных поверхностных иностранных наблюдателей нашей действительности.

сти. Особенность их подхода: из частных делать глубокомысленные обобщения, не разобравшись в сущности явления, из которого проистекают частности. Невольно всплывает в памяти чеховский "Глупый француз". Разумеется, и мы, русские, грешим поверхностными суждениями о Западе, но одно не оправдывает другое.

Мы посчитали необходимым сделать столь обширную редакционную оговорку, поскольку, отстаивая право свободы мнения автора, полагаем естественным использовать право свободы мнения редакции.

"Марк Поповский-Пресс" 29 июня 1977 г.

ОЧЕНЬ СВОЕВРЕМЕННЫЙ ПОЖАРЧИК...

Сегодня Московский городской суд утвердил решение районного суда о ссылке известного общественного деятеля Мальвы Ланды.

Член Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, она, после ареста Александра Гинзбурга приняла также участие в работе основанного А.И.Солженицыным Русского общественного Фонда помощи политзаключенным. Вместе с двумя другими преемниками Фонда она 23 июня подписала письмо президенту США Джимми Картеру. Теперь Ланду высылают за 7.000 километров от ее дома. Ей предстоит провести два года в Забайкалье, вблизи Шилки и Нерчинских рудников в районе традиционной царской ссылки. Зима продолжительностью до 200 дней, морозы, достигающие 38 градусов, высокогорный разреженный воздух - вот что ожидает ее в

шахтерском поселке, где ей предписано поселиться.

Какие же преступления совершила эта 58-летняя женщина?

18 декабря 1976 года в коммунальной квартире, где она жила, при загадочных обстоятельствах вспыхнул пожар. Все имущество Мальвы Ланды погребло в огне, сама она получила ожоги. И тем не менее против нее было возбуждено уголовное преследование. Хотя вина ее не была доказана ни во время следствия, ни в судебном заседании, Ланду обвинили в неосторожном обращении с огнем /ст.ст. 99 и 150 УК РСФСР/. Адвокат указывал на полное отсутствие улик против нее, и требовал полного оправдания своей подзащитной. Но суд на доводы защиты внимания не обратил.

На следствии выяснились странные обстоятельства, сопровождавшие пожар. Инспектор пожарной охраны заявил, что брошенная сигарета никак не могла бы вызвать в квартире столь стремительного загорания мебели. Специально расследовавший дело эксперт обратил внимание на то, что в комнате оказалось почему-то три /!/ очага загорания. Необъяснимым остается и тот факт, что когда М.Ланда плеснула в огонь водой, пламя не ослабело, а наоборот, вспыхнуло с огромной силой и опалило ей лицо. "Я много лет работаю на тушении пожаров, - сказал один из пожарников, - но никогда не видел, чтобы огонь в квартире давал такую высокую температуру. Маски наших кислородных приборов накалились так, что резина буквально прикипала к коже лица".

Анализ всех этих необъяснимых деталей происшествия наводит на мысль, что пожар в квартире М.Ланды следует рассматривать как преднамеренный поджог. Обращают внимание

также на то, что ссылка в Сибирь *десятого* по счету члена Хельсинкской группы в СССР происходит в то самое время, когда девять других борцов за права человека уже находятся в тюрьмах и лагерях или ожидают суда.

"Марк Поповский-Пресс" 30 июня 1977 г.

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ СССР - PERPETUUM MOBILE

Анализируя проект новой Конституции, западные обозреватели справедливо отметили в ней антидемократические тенденции, а также стремление к концентрации власти в руках партийной верхушки. Все это верно. Но нам кажется, что прежде всего следовало бы говорить о нереальном и даже *ирреальном* характере этого документа.

Кому принадлежит власть в нашей стране? Если верить статье 2-й, то "вся власть принадлежит народу", который осуществляет свое право на эту власть через Советы народных депутатов, причем "все другие государственные органы подконтрольны и подчинены Советам". Однако статья 6-я полностью опровергает статью 2-ю, заявляя, что "руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций" является коммунистическая партия. Она же "определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР". Спрашивается, с помощью какого же механизма народ, которому принадлежит "вся власть в СССР" может влиять на партию и как этот якобы всевластный народ может диктовать партии /то есть меньшинству/ свою

волю и желания? У народа нет такой возможности. Ведь партийные руководящие органы снизу доверху избираются только самими партийцами, то есть недемократическим путем. К избранию райкомов и обкомов КПСС, к выборам в ЦК и Политбюро народ в массе своей никакого отношения не имеет. Более того, в конституции эти два последние наиболее всевластные учреждения страны вообще не названы, хотя каждый ребенок знает, что именно там безапелляционно решаются все большие и малые государственные проблемы СССР.

Итак, одно из двух: либо власть принадлежит народу и тогда народ должен выбирать все руководящие органы страны и в первую очередь партийные; либо власть и руководство принадлежат не народу, а партии, но тогда не имеет никакого смысла статья 2-я проекта новой конституции и государство наше следует признать недемократическим. Статья 2-я и 6-я — противоречат друг другу, превращают Конституцию СССР в документ логически безграмотный, а потому и неисполнимый.

Глубоко противоречивой, а по существу иерейской является и глава VI, трактующая вопросы гражданства в СССР и равноправия граждан. Новая конституция запрещает поведь расовой и национальной вражды, но при этом не отменяет порядок, по которому национальная принадлежность граждан — украинец, казах, еврей — обязательно фиксируется в государственных документах /паспорт, учетные карточки в отделе кадров и т.д./.

Такая фиксация национальной принадлежности /кстати сказать, давно отброшенная практикой большинства демократических стран/ — главная питательная среда для развития национальной розни в СССР. Межнациональные трения, непрерывно возрастающие в стране, проектом новой конституции не ослабляются, а, наоборот, подогреваются, усиливаются.

Никакого реального смысла нет и в главе VII, посвященной правам, свободам и обязанностям граждан. Формулировка: "использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства" — дает возможность государственным чиновникам отменять любое из прав и свобод, ссылаясь на "интересы государства". Если бы составители конституции действительно помышляли о предоставлении свобод гражданам, то должны были бы отказаться от вышеприведенной оговорки, четко сформулировав *права* общества и государства, которые граждане нарушать не должны. Пока же вместо *прав* говорится о весьма неопределенных "интересах" государства, эта неопределенность делает нереальными все перечисленные права и свободы гражданина СССР.

Фактически зачеркивает свободу научного, технического и художественного творчества и статья 47-я проекта Конституции, которая оговаривает, что право это гарантируется гражданам лишь "в целях коммунистического строительства". Подобные оговорки парализуют также статью 50-ю о свободе слова, печати, собраний, митингов и статью 51-ю о праве на организации. Статья 52-я также не дает гражданам свободы совести: разрешая свободу атеистической пропаганды, она "забывает" снабдить верующих правом на пропаганду своих религиозных взглядов.

Статья 71-я, гарантирующая союзным республикам право на свободный выход из СССР, также относится к мертворожденным. Статья эта не описывает механизма, с помощью которого такое право республики могли бы реализовать, оставаясь в пределах законности. Как известно, до сих пор всякая попытка обсудить эту проблему в национальных республиках вела к аресту националистически на-

строенных граждан и длительным срокам лагерного заключения для них.

Можно было бы еще многое сказать об иррационализме проекта новой Конституции СССР. Но какой в этом смысл? Ведь в каждодневной практической жизни должностные лица СССР полностью игнорируют любые законодательные установления. Хозяин страны — партийный чиновник в каждом отдельном случае сам решает, что ему и его государству выгодно и что не выгодно, кого следует миловать, а кого казнить. Обсуждение проекта новой Конституции напоминает исторический эпизод конца XVIII века. Парижская академия наук объявила в это время, что впредь рассматривать модели вечных двигателей отказывается, поскольку сама идея вечного движения, *perpetuum mobile*, отвергнута наукой как несостоятельная.

Новая Конституция СССР, идущая на смену старой, сталинской — всего лишь еще одна модель общественного двигателя, который не только не способен функционировать, но и не предназначен для этого.

Вот, собственно, и все *июньские* новости. Дальше пошли *июльские*, *августовские*:

— Отправили в Восточно-сибирскую ссылку Мальву Ланду;

— В Тарусе травят Кронида Любарского. Его обвиняют в тунеядстве, неподчинении милицейскому надзору и еще в каком-то преступлении, которое он якобы совершил несколько лет назад в тюрьме. Итого в перспективе — три уголовных дела;

— На Западе выходит сборник "Память" — **первый**

том собранных в СССР архивных документов. Готовятся новые тома, посвященные событиям общественной жизни страны между 1917-1977 годами. КГБ разыскивает составителей.

- В лагере особого режима в Мордовии /№10/, где заключены Мороз, Караванский, Эдуард Кузнецов, Чорновил и другие деятели национально-освободительных движений, возникла крайне обостренная обстановка. В письме, доставленном оттуда, говорится в частности: в ответ на жалобу заключенных, начальник лагеря заявил, что в случае беспорядков перестреляет человек двадцать политических, право на такой расстрел у него имеется.

- После четырех лет ожидания из Москвы в Израиль выехал еврейский активист, доктор наук, физик Вениамин Файн.

- Писатель Георгий Владимов направил в ЦК КПСС письмо. Он просит дать ему возможность посетить книжную ярмарку во Франкфурте-на-Майне, куда пригласили его норвежские книгоиздатели. В случае отказа Владимов угрожает выходом из Союза писателей СССР.

- В воскресенье 28 августа из СССР по израильской визе выехал русский рабочий-электрик Валентин Иванов. На вопрос нашего Агентства Иванов сообщил:

"Несмотря на то, что мне исполнилось 47 лет я решил выехать из России по причинам, которые год назад изложил в письме в Президиум Верховного совета СССР. Это: низкая зарплата - вот уже тридцать лет я работаю по существу за кусок хлеба; полная незащитность рабочего человека перед администрацией; отсутствие в стране независимого и объективного суда; всевластие КГБ".

Иванов сообщил далее: "Я пытаюсь покинуть

страну вот уже 18 лет. За это время я трижды обращался в Президиум Верховного совета с просьбой разрешить мне выезд... Дважды меня привлекали к судебной ответственности за попытку перейти государственную границу. Семь раз по настоянию КГБ меня подвергали психиатрической экспертизе, хотя врачи всякий раз находили меня здоровым. Потеряв надежду на официальное разрешение, я, в знак протеста, провел две демонстрации на улицах Москвы, /последнюю - 14 июня 1977 года/. Только после этого власти приняли от меня заявление о выезде".

...Пожалуй корры правы: шведскому да и вообще западному читателю все эти новости могут показаться однообразными. Но такова наша жизнь...

Наши личные новости тоже не из веселых: ОВИР все еще не дает разрешения на выезд. Вместе с тем есть признаки того, что сотрудники ГБ решили пресечь деятельность Агентства. Главе и единственному сотруднику "М П-П" пришлось покинуть свою квартиру и перейти на нелегальное положение. Ну что ж, время летнее, пустых квартир в Москве достаточно. А там - посмотрим...

ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ: МНЕНИЕ НЕСОГЛАСНОГО

Дорогой М.А.!

По Вашей просьбе прочитал "Июньские новости". Как Вы знаете, я не писатель, а естествоиспытатель, однако работа Ваша не показалась мне чуждой. То, о чем Вы пишете, касается каждого подлинно мыслящего и подлин-

но чувствующего человека в нашей стране. И про корреспондентов и про диссидентов написали Вы искренно и убедительно. Но на главе "Юродивые на Руси" я споткнулся. Перечитал ее несколько раз и, признаюсь, чувство возникло у меня при этом весьма двойственное.

Не могу не отдать должного оригинальности Вашей концепции, силе Вашей логики. Вы правильно заметили, что действия академика Сахарова носят в основном характер протеста этического-эмоционального. И это действительно сближает его поведение с поведением Николки из "Бориса Годунова", протопопы Аввакума и всех тех, кого Вы именуете "юродами". Вместе с тем в Вашей концепции мне видится два опасных промаха. Как бы ни уточняли Вы, как бы ни реконструировали самое понятие *юродивый*, в сознании русских людей образ этот за сотни лет крепко связался с представлением о человеке с некоторой психической неполноценностью. Настоящих /не литературных! / юродивых кричать на площадях заставляли не только *внешние* причины. Традиционно принято, что люди эти от природы ущербны. Вы пытаетесь бороться с укрепившимся в народном сознании образом. Но, простите, сломать в сознании читателя привычный затверженный стереотип Вам все-таки не удастся. Правда, есть еще и религиозное понимание юродства как волевого отказа юрода от всего земного и в том числе от общепринятых норм поведения, ради возможности стать "голосом Божиим". Но во-первых большинство современных читателей не примут такое объяснение из-за своего атеизма. А во-вторых, ведь Вы и сами говорите, что современные юроды - люди неверующие. Сахаров во всяком случае. Итак, затверженная, утвердившаяся в народном сознании *форма* не принимает предложенного Вами *содержания*. Образ деформируется, разрушается, оказывается, на мой взгляд, нежизнеспособным...

Второе замечание. Вы правы, когда говорите, что академик Сахаров — не вождь оппозиции, что он борец-одиночка. Деятельность его не клонится к изменению и улучшению нашей социальной структуры. Его публичные заявления и жесты всего лишь жесты и заявления честного человека в ответ на бесчестие режима. Но, простите, это лишь половина правды. Я 25 лет занимаюсь наукой и хорошо знаю ту спертую, душную атмосферу, в которой приходится работать у нас честному исследователю. И, право слово, за те восемь-десять лет, что Сахаров как личность стал общественным фактором, воздух в стране, и в том числе в научном мире, изрядно посвежел, оздоровился. Его выступления, заявления, самое его существование дали честному человеку из толпы, если не надежду на перемены, то хотя бы надежду на возможность справедливого *публичного* разоблачения подлости. А ведь это немало! Вспомните нашу с Вами юность, полную безнадежность, в которой жили мы при Сталине, да и при Хрущеве. Согласитесь: сейчас уже не то. Сейчас уже можно услышать, как в ответ на обиды, наносимые начальством, человек грозит: "Вот напишу Сахарову, он вас прославит на весь свет!" Практическая сила такой угрозы пока невелика, но мне тем не менее известны случаи, когда, боясь гласности, чиновники все-таки выпускали из зубов свои жертвы. Сахаров, как принято говорить, разорвал заговор молчания, сковывавший наше общество. А это уже не назовешь только "эмоциональным всплеском". Перед нами всплеск здравого смысла в океане безмыслия, безнравственности, террора. Большой волны пока за всплеском этим не последовало, но — лиха беда начало.

Сошлюсь на собственный опыт. В нашем институте директор, субъект Вам хорошо известный, создал в свое время обстановку, которую иначе как террористической не назовешь.

Но с тех пор, как в ученом мире стали поговаривать о Сахарове /которого ни я, ни мои коллеги никогда в глаза не видели/, нам стало легче жить, легче отстаивать свое право на спокойное, без помех, научное творчество. Большие и маленькие тираны и тиранчики опасаются сейчас действовать совсем уж открыто и бессовестно. Не знаю, что Сахаров сделал по части бомб, но в жизнь нашу он внес вполне ощутимое облегчение. Об этой вполне *практической* части его деятельности я и хотел Вам напомнить.

Не сердитесь, дорогой Марк Александрович, за мою прямоту. Ваша работа является в какой-то степени исследованием. А к исследовательским трудам, кто бы их ни писал, мы, исследователи, предъявляем всегда одно требование: автор обязан учитывать *все* известные факты.

Письмо это передаст Вам мой сотрудник... Можете использовать мои высказывания по своему усмотрению, но, естественно, фамилию мою не называйте. Я пока еще не Сахаров.

С дружеским приветом,

профессор НН.

6 августа 1977 г.

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ:

"ОДИН ИНОСТРАННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ СКАЗАЛ..."

Сегодня у меня свидание с корреспондентом, теперь это уже будни. Они привыкли ко мне, я - к ним. Мои "news" уходят куда-то в недра их контор. Что они делают с этой информацией - Бог весть. Может быть, выбрасывают

в корзину для бумаг. Внешне отношения дружественные: "Ваши материалы интересны, мы используем их, приносите еще..." Трудно сказать, где здесь правда, а где ни к чему не обязывающая любезность. Впрочем, вопрос о публикации не так-то и важен. Слава газетчика пленяла меня последний раз лет двадцать назад. Сейчас мне просто *нужна* эта работа. Чтобы не страдать от бессмысленно текущего времени. А главное: "ни дня без строчки". Если хоть что-нибудь из моих новостей доходит до Запада - прекрасно. Нет - тоже не беда.

Рано или поздно ГБ определит мою судьбу: отправит на Восток или на Запад. Живя в России, поневоле становишься фаталистом. Здесь фаталисты все, сверху до низу: один от полного бесправия, другие от абсолютной бесконтрольности. Так что остается только ждать. Одно беда, денег все меньше: одежные шкафы и книжные полки пустуют, почти все продано...

Встреча назначена на девять вечера. Как обычно - под часами. Сегодня пятница. Днем термометр показывал 32 в тени. К вечеру все выдохлись - и люди, и автомобили. Даже ревущая динамомашинка Садового кольца исчерпала свою мощность. В пепельно-желтом свете июльского вечера, как будто во сне проплывают пустые троллейбусы. Возле Кукольного театра - никого. Даже топтунов не видно. Махнули, должно быть, куда-нибудь на природу. Тоже ведь люди...

Работяга-корреспондент появляется на ступенях подземного перехода исправно, минута в минуту. Этого у них не отнимешь - время ценят. Но и он сегодня не в лучшем виде: вяло здороваются, более небрежно, чем всегда, сует в карман мои листки. Но почему-то не уходит. Застывает - руки в карманах - у

освещенной последними лучами театральной стены. Взгляд - поверх крыш.

- У меня есть к вам дело.

Дело? Занятно. До сих пор у них ко мне никаких дел не было.

- Я слышал... Не знаю, верно ли... Вы пишете об иностранных репортерах в Москве?

- Да, готовлю очерк о журналистских новостях июня.

- И там, в вашем рассказе... среди других... будет мое имя? - Я не спешу с ответом, хочу понять, куда он клонит. - Вы ни в коем случае не должны называть в своем произведении мое имя. - Глаза его больше не плавают в поднебесье, а тревожно уставлены мне в лицо. От его медлительности тоже не осталось следа. - Если вы опубликуете мое имя /жест пальцами обеих рук - печатает на машинке/, то здешние власти, КГБ /он говорит: Кей-Джи-Би/ что-нибудь сделают со мной... Вы меня понимаете? Они... /жест ногой - так отшвыривают напакостившего щенка/. Вот что они со мной сделают...

Я его понимаю, как могу, стараюсь успокоить.

→ Мы ведь никогда не вели с вами политических разговоров. Речь шла о сугубо профессиональных вопросах...

- Все равно! Все равно! Важно имя! Вы не должны называть мое имя!

Фонари еще не зажглись и в сумерках лицо его, с набежавшими на лоб волнистыми морщинами, кажется лиловато-серым. Он начинает объяснять все сначала, подбирает самые про-

стые английские слова и подчеркнуто медленно произносит их. Дело в том, что в Москву его послали для того, чтобы он направлял новости в свою газету. Ему не поручали беседовать с кем бы то ни было помимо служебных дел. Наш разговор с ним был приватным. Личный разговор. И его не следует предавать гласности.

- Зачеркните мою фамилию. Напишите: "Один американский корреспондент сказал..." Или еще лучше: "Один иностранный корреспондент в Москве сказал мне..." Договорились?... - Он смотрит на меня просящими собачьими глазами и повторяет снова: - Так и напишите: "Один иностранный корреспондент сказал..."

Сначала его просьба удивила меня, потом рассмешила. Впрочем, чего же смеяться: у каждого свое представление о несчастье. У Караванского - 25 лет лагерей и тюрем, у меня в довольно явственной перспективе - три года лагерей или изгнание навечно из страны. А этот парень, купивший нынче утром машину "Жигули" за тысячу триста долларов, в ужасе от того, что его лишат шикарной работы международного репортера... Его тоже можно понять. Хотя лично мне кажется, что взрослому мужчине не следует так откровенно обнаруживать свой страх!

- У меня здесь работа! Вы не поможете мне, когда я останусь без работы... Вот увидите, они сделают со мной то же, что и с Робертом Тотом...

Я взглянул на часы. Он уже шестой раз повторял свои доводы. Мой запас английских слов, предназначенных для утешения, иссяк.

- Донт уори... Ю ар иксиджерейтин зэ дэнджер...

Мысленно я уже чертыхался. "Ладно, я не назову тебя. Пасись на жирной московской травке, дорогой товарищ. Пасись до тех пор, пока Кей-Джи-Би не понадобится принести в жертву очередного барашка. Можешь быть уверен, если они выберут тебя, то никакое самое жалобное блеяние тебе не поможет. Власти объявят тебя шпионом, как объявили Джорджа Крымски из "Ассошиэйтед пресс" и Фрейндли из "Ньюс уик", ославят как гомосексуалиста, как Дж. Нанди, или просто лишат въездной визы на очередной срок, как это сделали со шведом Уле Стенхольмом и итальянцем Франческо Матеотти. А пока - пасись, радуйся своим "Жигулям" и дешевой московской квартире..."

Скверный английский не позволил мне произнести этот монолог вслух. Я только сказал, что все будет о'кей. Едва ли он поверил, но скользнул по ступеням вниз и исчез в черноте уличного перехода. На часах было половина десятого. Меня поразила разлившаяся вокруг тишина. Не слышно было ни машин, ни людей. А куранты Кукольного театра? Они-то почему молчат? В наступившей лиловой тьме с трудом удалось прочитать наклеенное на стекло входной двери объявление. Уважаемых зрителей оповещали, что театр выехал на гастроли, а часы остановлены на ремонт.

Я медленно побрел вниз к Самотеке.

"Мы пока еще встречаемся с вами под часами, - сказал под занавес мой собеседник, - но если вы опубликуете свой рассказ, мы вынуждены будем отказаться от всяких встреч с русскими. Вы поняли? Вы хорошо меня поняли?"

Я отлично его понял. Мне кажется, я понял бы его, даже если бы он говорил на суахили. Язык страха - я слышу его всю свою жизнь. Он - родной язык моего народа. От этого па-

костного страха бегу я на другую сторону планеты. А навстречу мне — этот, с перепуганным лицом. Интересно, все они там такие или через одного? И какой смысл, в таком случае, тратиться на дорожные чемоданы?

Белесый куб Кукольного театра скрылся в темноте. Фонари все еще не зажжены. Спускаюсь все ниже и ниже. Навстречу от Цветного бульвара веет прохладой. Похоже, что я здорово устал сегодня. Не хочется думать ни о новостях, ни о корреспондентах. Разве что помечтать чуть-чуть о будущей жизни, если только она вообще возможна, эта вторая жизнь на чужой земле. Заброшу литературу. Выучусь какой-нибудь пристойной профессии. Рабочий сцены, например, совсем неплохо. В комбинезоне, с карманами, откуда торчат ручки молотков и плоскогубцев, стану делать то, что действительно кому-то нужно. Поздним вечером, когда отбушуют аплодисменты, выключу рубильники освещения и со спокойной совестью спущусь последним с опустевшей сцены. Я не знаю зрителей, зрители не знают меня. И никаких проблем, никаких новостей...

Москва, 30 августа 1977 г.

У К А З А Т Е Л Ь И М Е Н

- Аввакум, протопоп 82, Дрейфус 76, 77
96
- Александр II 87
Александр III 82
Арафат 85
- Баранов, кап., 36
Бейлис 76, 77
Богачев Сергей, кап.
КГБ 9, 11, 12, 42
Болонкин А.А. 44-46
Булгаков Михаил 81
Бургасов, зам. мин.
здравоохран. 66
- Вавилов Н.И. 10, 12
Великанова Татьяна
21, 33, 57, 60
Виллис Дэвид 5-8
Владимов Георгий
70-73, 94
Войно-Ясенецкий -
арх. Лука 12, 22
Волошин Максимилиан
12
- Гийо Даниэль 38-40
Гинзбург Александр
30, 34, 88
Григоренко Петр Гр.
33, 60
Гринберг Натан 18
- де-Кюстин, маркиз 14,
87
Джемилев Мустафа 85
Дмитриева, судья 75
Дойников, капитан,
инспектор по полит-
работе 74
- Золотухин Владимир
Дементьевич, подполк
14-17
Золя Эмиль 76, 77
Зотов Александр Гри-
горьевич, зам. нач.
Моск. городского ОВИР
41-43
- Иванов Валентин 94
- Капитанчук Виктор 29
Караванский 94
Картер Джимми 57, 62,
88
Кент Томас 58-61, 67
Клюев Виктор 18
Кочетков А.А., проку-
рор 31
Кузнецов Феликс, пи-
сатель 23
Кузнецов Эдуард 94
- Ланда Мальва 30, 33,
55, 63, 88, 89, 93
Любарский Кронид 30,
55, 63, 74-76, 93
Ляхов 35, 36
- Майденс Сет 20, 21
Майер Рейнгардт 67-6
Машошина Елена, сле-
дователь 9
Митюкова, тюремн. цен-
зор 74, 75
Мороз Валентин 94
Музарева 85
- Нейман, проф. 33

Никон, патриарх 82	Толстой Алексей 81
Огородников Александр 27, 28, 53, 55	Толстой Лев 82
Орвелл Джордж 22	Тот Роберт 63-68
Орлов Ю.Ф. 60	Турчин В.Ф. 33, 60
Петухов Валерий 63-66	Файн Вениамин 94
Платонов Андрей 81	Федотов Эдуард 55
Поповская Лиля 11, 12, 41, 61	Франс Анатолий 76, 77
Поповский Марк Алек- сандрович 9, 10, 13, 21, 95, 98	Хайбулин Варсонофий, иеродиакон 29
Пшичкова Татьяна 38- 41	Ходорович Т.С. 30, 33-36, 38, 55-57, 60, 63
Ребенкова, судья 74	Хрущев 97
Розанов В.В. 81	Цветаева Марина 12
Сахаров Андрей Дм. 33, 37, 38, 57, 60, 71, 82-86, 96-98	Чорновил 94
Ситоле 85	Чуковская Лидия 86
Слиознер 18	Штерн Михаил, врач 19, 77
Соколов, майор, зам. нач. Владимирской тюрьмы 74, 75	Шушпанов Александр 2
Солженицын А. 13, 29, 56, 62, 71, 88	Щаранский Анатолий 64-66
Сорина, судья 45	Яковлев, рабочий 37, 38
Сталин 10, 81, 91	Якунин Глеб, свящ. 2

С О Д Е Р Ж А Н И Е

1. Под часами Кукольного театра 5
2. Кто сумасшедший? 2 июня 8
3. В России без перемен. 3 июня 9
4. Обыск 11
5. "Аккредитованным в Москве
иностранным корреспондентам". 7 июня 13
6. ОВИР - первый этаж 14
7. Справка ради ненависти. 7 июня 18
8. Откуда берутся диссиденты 19
9. "Блажен муж, иже не иде на совет
нечестивых". 11 июня 25
10. Прощение /К Патриарху Московскому
и всея Руси/ 28
11. Помощь политзаключенным в СССР.
12-15 июня 29
12. Из письма прокурора Кочеткова.
14 июня 31
13. Пресс-конференция 31
14. Свадьба по-московски. 16 июня 38
15. ОВИР - второй этаж 41
16. Заявление доктора технических наук
А.Болонкина 44
17. 99,99 процента... 18 июня 46
18. Обед с дамами 47
19. СССР: христианство молодеет? 20 июня 53
20. Люди и корреспонденты 55
21. Президенту США Джимми Картеру.
23 июня 62
22. Москвичи о "деле" Роберта Тота.
25 июня 63

23.	Еще одна жертва разрядки...	6
24.	Интервью с московским писателем Георгием Владимовым. 26 июня	7
25.	Суд: заключенный против тюрьмы	7
26.	Эмиль Золя и Анатоль Франс - разоблачены! 26 июня	7
27.	Юродивые на Руси	7
28.	Очень своевременный пожарчик... 29 июня	8
29.	Новая Конституция СССР - Perpetuum mobile. 30 июня	9
30.	Эпилог первый: Мнение несогласного	9
31.	Эпилог второй: "Один иностранный корреспондент сказал..."	9
	Указатель имен	10

П о п р а в к и

к № 28 "Вольного слова"

К нашему глубокому сожалению в № 28 вкрались две чрезвычайно досадные опечатки. Просим читателей исправить их:

Документ № 1, с. 5: Дата документа - 27 декабря 1976 г.

Документ № 5, с.13: Дата документа - 7 февраля 1977 г.

ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"
К ЛИТЕРАТУРНОЙ МОЛОДЕЖИ,
К ПИСАТЕЛЯМ И ПОЭТАМ,
К ДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ
- КО ВСЕЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Русское издательство "Посев", находящееся настоящее время за рубежом, во Франкфурте-на-Майне, предоставляет вам возможность публиковать те ваши произведения, которые по условиям политической цензуры не могут быть изданы на Родине. Напечатаны эти произведения могут быть в журнале "Грани", в ежемесячнике "Посев" или изданы отдельными книгами. Будет сделана попытка их публикации и на иностранных языках.

Рукописи могут быть подписаны как фамилией автора, так и псевдонимом, который будет строго соблюдаться издательством.

Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в "Посеве" ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможным их получить.

Самиздатовские документы печатаются в сборниках "ВОЛЬНОЕ СЛОВО". Гонорары за документы не начисляются.

Пересылать рукописи в издательство "Посев" можно как через своих граждан, едущих за границу, так и через иностранцев, посещающих СССР. Приехавший за границу может сдать пакет с рукописью на почту, а в случае необходимости - опустить в почтовый ящик и без марок. На пакете с рукописью необходим указать следующий адрес:

Possev-Verlag

Flurscheideweg 15

D-6230 Frankfurt am Main 80

Предоставляя пишушим страницы своих изданий, мы помогаем российской интеллигенции, а в особенности молодежи, выполнять возложенную на нее историей ответственную задачу - в свободном творчестве правдиво изображать жизнь и стремления нашего народа, воспроизводить его духовный облик.

За свободное творчество! За свободную Россию!

Издательство "ПОСЕВ"